

ISSN 2219-6838

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ

Основано в 2010 году

6/2019

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева**; д. ю. н., проф. **А. С. Барабаш**; д. ю. н., доц. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора); д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова**; д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская**; д. ю. н., проф. **Д. В. Винницкий**; д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая**; к. ю. н., доц. **О. Г. Геймур**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина**; д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев**; д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова**; д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина**; д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (ФРГ); д. ю. н., проф. **И. А. Игнатьева**; д. ю. н., проф. **С. В. Кодан**; д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко**; д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова**; к. ю. н. **Я. Койстинен** (Финляндия); д. ю. н., проф. **А. Н. Кокотов**; д. ю. н., проф. **В. В. Комарова**; к. ю. н., проф. **Т. В. Кондрашова**; д. ю. н., проф. **П. И. Кононов**; д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева**; д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов**; к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко**; к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова**; д. ф. н., проф. **И. П. Малинова**; д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин**; д. и. н., проф. **В. П. Мотревич**; д. ю. н., проф. **В. В. Никишин**; д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев**; проф. **П. Поликастро** (Польша); д. ю. н., доц. **С. Б. Поляков**; д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло**; к. ю. н., проф. **Р. К. Русинов**; д. ю. н., проф. **П. И. Савицкий**; д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова**; д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин**; д. ю. н., проф. **А. И. Стахов**; д. ю. н., доц. **В. Л. Толстых**; д. ю. н., проф. **А. Трунк** (ФРГ); д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова**; к. ю. н., проф. **С. Д. Хазанов**; проф. **Хуан Даосю** (КНР); д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров**; проф. **П. Шокинс** (Бельгия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Barabash** (doctor of legal sciences, prof.); **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof.); **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof.); **O. G. Geymur** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof.); **Huang Daoxiu** (prof.) (China); **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof.); **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences) (Finland); **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof.); **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Kokotov** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, prof.); **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof.); **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof.); **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof.); **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof.); **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof.); **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Policastro** (prof.) (Poland); **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof.); **R. Rusinov** (candidate of legal sciences, prof.); **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof.); **P. Savitskiy** (doctor of legal sciences, prof.); **O. Siegmunt** (doctor of philosophy) (Germany); **P. Schoukens** (prof.) (Belgium); **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof.); **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof.); **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, assoc. prof.); **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof.) (Germany); **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **D. Vinnitskiy** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof.); **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof.); **T. Zametina** (doctor of legal sciences, prof.)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207
Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,
редакция «Российского юридического журнала».
Тел./факс (343) 375-54-20.
E-mail: ruzh@usla.ru,
electronic.ruzh.org.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Архипов С. И. (Екатеринбург) Идея правового прогресса в трудах С. С. Алексеева 5

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. (Москва) Изменение климата
и поддержание международной безопасности 11

Сметанин Н. В. (Екатеринбург) Односторонние акты государств
в международном праве: постановка проблемы 15

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Костокрызова Л. Ю. (Екатеринбург) История закрепления свободы вероисповедания
в национальном и международном праве 25

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Сабитов Т. Р. (Екатеринбург) Преломление общих принципов российского права
в уголовном праве 34

Ткачев И. О. (Екатеринбург) Субъект мошенничества
в сфере предпринимательской деятельности 45

Думанская Е. И. (Екатеринбург) Обусловленность индивидуальной виктимности
неосознаваемыми установками 52

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР

Абдуллаев Э. М. (Махачкала) О некоторых аспектах организации документооборота
в органах прокуратуры 56

ТРУДОВОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРАВО

Федорова М. Ю. (Санкт-Петербург) Принципы управления социальными рисками:
понятие, система, правовое преломление 60

ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Соколова Л. А. (Екатеринбург) Особенности перевода юридических монографий
с английского языка на русский (эрратологический аспект) 68

CONTENTS

THEORY OF LAW AND STATE

- Arkhipov S. (Yekaterinburg)* The idea of legal progress in the works by S. S. Alekseev 5

INTERNATIONAL LAW

- Abashidze A., Solntsev A. (Moscow)* Climate change and international security 11
- Smetanin N. (Yekaterinburg)* Unilateral acts of states in international law:
a general articulation of the issue 15

INTERNATIONAL PROTECTION OF HUMAN RIGHTS

- Kostogryzova L. (Yekaterinburg)* The history of fixation of freedom of religion
in national and international law 25

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

- Sabitov T. (Yekaterinburg)* Refraction of the general principles of Russian law
in criminal law 34
- Tkachyov I. (Yekaterinburg)* The subject of business fraud 45
- Dumanskaya E. (Yekaterinburg)* Conditionality of individual victimization
by unconscious mental attitudes 52

PROCURACY SUPERVISION

- Abdullaev E. (Makhachkala)* On some aspects of the organization of documents
in the prosecutor's office 56

LABOUR AND SOCIAL LAW

- Fedorova M. (Saint Petersburg)* The foundations of social risks management:
the concept, system, and legal interpretation 60

PROBLEMS OF LEGAL EDUCATION

- Sokolova L. (Yekaterinburg)* Specifics of translating legal monographs from English
into Russian (an erratological aspect) 68

ИДЕЯ ПРАВОВОГО ПРОГРЕССА В ТРУДАХ С. С. АЛЕКСЕЕВА**Архипов Сергей Иванович**

Профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция),
доктор юридических наук, e-mail: arhip10@mail.ru

В статье исследуются представления о правовом прогрессе основателя уральской школы теории права С. С. Алексеева. Анализируются сформулированные им формальные (техничко-юридические) и содержательные критерии правового прогресса, основные этапы развития общества, понимание ученым социально-правового будущего человечества.

Ключевые слова: правовой прогресс, правовой регресс, правовая культура, критерии правового развития, правовое будущее

THE IDEA OF LEGAL PROGRESS IN THE WORKS BY S. S. ALEKSEEV**Arkhipov Sergei**

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), Paris Nanterre (Paris, France),
doctor of legal sciences, e-mail: arhip10@mail.ru

The author examines the understanding of legal progress by the founder of the Ural theory of law school S. S. Alekseev. He analyses the formal (technical and legal) and substantial criteria of legal progress, as well as the main stages of society development and the ideas about social and legal future of mankind proposed by S. S. Alekseev.

Key words: legal progress, legal regress, legal culture, criteria of legal development, legal future

В западной правовой культуре XX в. наметилась тенденция к отрицанию идеи поступательного восходящего правового развития общества (теории О. Шпенглера, А. Тойнби)¹. Более того, как отмечает Г. Д. Берман, «мы находимся в середине беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся наша традиция права – не только так называемые либеральные концепции последних нескольких столетий, но сама структура западного правового порядка»². Уже названия работ Р. Арона («Разочарование в прогрессе», 1968 г.), Б. Джеймса («Смерть прогресса», 1973 г.), Ж. Сореля («Иллюзия прогресса», 1969 г.), Ф. Ферраротти («Миф о неизбежности прогресса», 1985 г.) и других авторов³ свидетельствуют о том переломе европейского сознания, который произошел в XX в., об утрате ранее незыблемой веры в прогресс, в правовое будущее человечества.

Данная тенденция, к сожалению, начинает проявляться и в современной России. Так, по мнению П. С. Барина, в условиях российской действительности утрата ценностного содержания правовых категорий актуальна не только для сознания значительной части населения, но и для менталитета государственных служащих: «Государственная власть в лице отдельных органов и должностных лиц демонстрирует лишь формально-декларативное провозглашение целого ряда правовых ценностей... спе-

¹ Подробнее см.: Архипов С. И. Теории социально-правовых циклов О. Шпенглера и А. Тойнби // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 4. С. 5–17. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1502>.

² Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. С. 48.

³ Подробнее см.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 63–64.

кулирует ими в собственных узкогрупповых интересах»¹. На общем фоне пронизывающего западное, а теперь и российское юридическое сознание глобального кризиса исходных правовых представлений и ценностей особо выделяется фигура основателя уральской школы теории права С. С. Алексеева, который через всю свою творческую жизнь пронес идею правового прогресса, неизбежности правового будущего человечества.

Еще в советский период, когда не принято было рассуждать об особом предназначении права и о правовом развитии общества, ученый последовательно отстаивал мысль о социальной ценности права, необходимости использования его потенциала в общественной жизни. В опубликованной в 1971 г. монографии «Социальная ценность права в советском обществе» он отмечал высокую *общечеловеческую ценность* права, его неразрывную связь с социальным прогрессом²; право, по его мнению, «это не только неизбежность, необходимость, но и своеобразный социальный „капитал“, то, что нужно с максимальной эффективностью использовать, „пускать в дело“ для решения наших задач»³.

Хотя сам С. С. Алексеев не относил себя к оппонентам марксистской идеи, однако нельзя не заметить, что его понимание роли, значения права в обществе существенно отличалось от представлений классиков марксизма о праве как воле господствующего класса, инструменте классовой борьбы, насильственного угнетения одних социальных групп другими. Кроме того, тезис об общечеловеческой ценности права прямо противоречил «линии партии» на отмирание права с построением коммунизма, последовательного отказа от него в новом мироустройстве⁴. Какая может быть общечеловеческая ценность у орудия классового угнетения, инструмента государственного принуждения, участь которого предопределена переходом к новому бесклассовому обществу? Вместе с государством как «машиной для угнетения одного класса другим» право, по официальной версии, должно быть неизбежно отправлено на «свалку истории».

Идеи, сформулированные С. С. Алексеевым в монографии «Социальная ценность права в советском обществе», получили дальнейшее развитие в трудах «Проблемы теории права: курс лекций» (1972 г.), «Общая теория права» (1981 г.) и др. В книге «Общая теория права» он вернулся к концептуальному положению о собственной ценности права, его способности совмещать несовместимое, быть организующим, дисциплинирующим фактором и одновременно выражать свободу, гарантировать осуществление личных интересов, индивидуальных потребностей. Он характеризовал право как «торжество правды, справедливости, истины», оно «по своей природе „сопротивляется“ произволу и беззаконию»⁵. Потенциал права нельзя оценивать отрицательно исходя из представлений о его классовой природе, он позитивный, право есть важнейший фактор социального прогресса.

В постсоветский период творчества С. С. Алексеева идея социально-правового прогресса была им кардинально переосмыслена в контексте теорий естественного права, прав человека, гуманистических, либеральных воззрений. Основываясь на дореволюционной российской либерально-правовой традиции (Б. Н. Чичерин, П. И. Новгородцев, И. А. Покровский, Б. А. Кистяковский, Л. И. Петражицкий и др.), он в качестве основной цели права, его исторической миссии определял служение личности, обеспечение ее свободы от произвола власти. Главным ориентиром для законодателя, судебной системы, юридической общественности должны быть естественные, неотчуждаемые права человека. В его работе «Теория права» (1993 г.) отдельный раздел был посвящен правовому прогрессу. Следуя идеям Гегеля и Шеллинга, С. С. Алексеев

¹ Баринов П. С. Обесценивание правовых категорий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019. С. 30–31.

² Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 160.

³ Там же. С. 38.

⁴ Как отмечает А. П. Семитко, такая академическая форма инакомыслия «была, пожалуй, очевидным максимумом возможного в условиях жесткого авторитарного режима для того, чтобы отстаивать идею и ценность Права» (Семитко А. П. С. С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества // Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. Екатеринбург, 2019. С. XXI).

⁵ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 101.

развил представление о социальном прогрессе как прогрессе правовом, о том, что вне права и без права нет социального развития, прогресса, что именно в праве он находит естественное, необходимое воплощение. Само право должно оцениваться по тому, как и в какой мере посредством закона реализуются интересы личности, основные человеческие потребности: «Решающим показателем прогресса в этом отношении является развитие гуманитарного содержания права, его многоступенчатое движение от права сильного к праву гражданского общества»¹. Таким образом, прогресс права измеряется естественно-правовой «линейкой», осуществлением прав человека и гражданина, достижением социально-правового идеала.

Кроме естественно-правового (содержательного) критерия прогресса, основателем уральской школы теории права был выдвинут специально-юридический критерий, характеризующий право с технико-инструментальной стороны. Речь идет о совершенствовании существующих механизмов нормативно-правового и правоприменительного регулирования общественных отношений, всего комплекса юридических средств. Применительно к нормативному регулированию он отмечал, во-первых, повышение уровня нормативных обобщений, использование норм-дефиниций, норм-принципов, позволяющих законодателю «возвыситься» над частностями до всеобщего масштаба, до осознания и воплощения главных правовых целей; во-вторых, развитие системных свойств права, обеспечение целостности, комплексности правового регулирования, тем самым повышение его эффективности; в-третьих, усиление правовой специализации, «разделения труда» между правовыми предписаниями, нормативно-правовыми институтами, отраслями права для более точного, адресного регулирования отношений; в-четвертых, развитие структуры права, ее усложнение, формирование вторичных, комплексных отраслей права, других разноуровневых элементов; в-пятых, эффективное совмещение нормативного и индивидуального правового регулирования, их синхронизация, взаимное дополнение, когда всеобщий масштаб дополняется механизмами автономно-правовой саморегуляции, казуально-правовыми решениями; в-шестых, совершенствование, дальнейшее развитие механизма юридической ответственности, а также правовосстановительных, иных обеспечительных мер, процессуальных и других гарантий осуществления права². Инструментальное, технико-юридическое развитие права, по мнению С. С. Алексеева, в конечном счете должно быть нацелено на реализацию социальных задач, служить интересам участников правовых отношений, достижению идеалов свободы, гуманизма, справедливого правового мироустройства.

Новой ступенью на пути осмысления проблемы социально-правового прогресса для С. С. Алексеева стали изучение творческого наследия И. Канта и написание им работы «Самое святое, что есть у Бога на земле» (1998 г.). В ней он вернулся к ценностному измерению права, осознанию его особой роли в жизни общества, в социальном будущем человечества. Один из главных итогов проведенного им исследования заключается в том, что право – не просто один из элементов в ряду многих социальных ценностей, важный общественный институт, а ценность высшего порядка, «самое святое», что есть у человеческого рода; что именно в нем заключен «замысел» природы, наше социальное будущее, конечная цель общественного развития; что правовое общение делает человека социальным существом, личностью.

Автор конструкции механизма правового регулирования предложил в данной работе новую теоретическую модель – «механизм восходящего развития человеческого рода», социально-правового прогресса. Он выделил в нем три основных структурных элемента: во-первых, сформулированный Кантом социальный «замысел» природы – «всеобщее правовое гражданское общество» как заложенный в человеке идеал будущего свободного мироустройства; во-вторых, социальные антагонизмы, приводящие в движение общество, заставляющие людей двигаться по пути прогресса; в-третьих, право как институт, обеспечивающий осуществление социального «замысла» природы, построение общества, где человеческая свобода достигнет высшей точки³. В дан-

¹ Алексеев С. С. Теория права. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1995. С. 182.

² Там же. С. 184–185.

³ Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 40–46.

ной конструкции право – это обязательный, необходимый элемент, без которого невозможно достижение социального идеала.

Кроме того, в работе, посвященной И. Канту, ценностное измерение права было дополнено новыми характеристиками. Право, по мнению С. С. Алексеева, способно раскрыть в человеке его индивидуальность, самобытные, неповторимые качества. Смысл и назначение права, по его убеждению, «раскрывается через категорию, которую кратко можно обозначить словом „свое“»¹. Человек познает себя через правовую коммуникацию, взаимодействие, право дает ему возможность постичь себя как уникальное социальное существо. Данная идея, как представляется, перекликается с пониманием роли права И. А. Покровским, с его тезисом о «праве чудака на существование»².

Также заслуживает внимания высказанная С. С. Алексеевым идея «правового обогащения» нравственных принципов, императивов: «Самое существенное, что в немалой степени определяет место и назначение права в жизни и судьбе человеческого рода, – в том, что *позитивное право способно дать опору для возвращения людям, притом в области внешней свободы, на „землю“, в грешный мир, где теряется нравственная мотивация поступков, – тем не менее дает опору для возвращения и сюда нравственных законов, обогащенных разумом*»³. В «вечной» для юристов теме соотношения права и морали он открывает новую грань их взаимодействия.

Еще одним важным выводом, сделанным уральским теоретиком права на основе изучения творческого наследия И. Канта, стало уточнение сформировавшегося в науке представления о том, что главным пунктом социально-правового прогресса должно быть построение правового государства. Хотя И. Кант и считается основателем теории правового государства, однако конечной целью он видел не особую правовую организацию государственной власти, а создание правового гражданского общества, которое, по мнению С. С. Алексеева, вбирает в себя наряду с другими элементами «все то позитивное, что содержит и теория правового государства»⁴. Таким образом, речь идет о более грандиозном правовом замысле, предполагающем переустройство всей социальной сферы, государственных и иных общественных институтов.

В ряде работ С. С. Алексеев сформулировал и развил идею «ступеней восхождения к праву», своего рода уровней правового прогресса. Первоначально он выделил четыре основные ступени: право сильного, кулачное право, право власти, право гражданского общества⁵.

Под правом сильного он понимал начальное звено правового развития, сформировавшееся в рамках доцивилизованного общества. Для данного этапа характерно господство «голой» силы вплоть до физического уничтожения врагов, противостоящих вожаку. Здесь определяющими являются природные инстинкты, жажда власти; крайним проявлением права сильного он называл право войны. В качестве элемента социально-правового прогресса основатель уральской школы теории права указывал на упорядочивающий и стабилизирующий фактор силы, препятствующий наступлению хаоса, дезорганизации общества, способствующий выживанию, самосохранению человеческой общности.

Кулачное право представляет собой право сословий, привилегий. Для этой ступени правового развития характерны появление письменных форм, закрепление сословно-иерархической структуры общества, соединение власти и религии (рабовладельческие, феодальные общества). На данной стадии происходило зарождение первых представлений о справедливости, восприятии, осознании субъектом совершаемых поступков – вине, необходимости соблюдения процессуальных форм, установленных юридических процедур.

Право власти соответствует более развитому, цивилизованному обществу (просвещенной монархии периода феодализма, эпохе раннего капитализма, современным

¹ Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. С. 55.

² Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4. С. 41.

³ Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. С. 69–70.

⁴ Там же. С. 364.

⁵ Алексеев С. С. Теория права. С. 129.

авторитарным обществам). Прогрессивность этой ступени правового развития заключается во всеобщности норм, их формальной определенности, доминировании письменных источников, отделении светской власти от религиозной, соблюдении некоторых гуманистических принципов. Вместе с тем законы, декреты нередко выражают политический произвол определенных социальных групп, элит, являются инструментом их социального господства.

Право гражданского общества есть высшая ступень правового развития. В основе нормативного регулирования общественных отношений здесь лежит идея естественных неотчуждаемых прав человека, они являются критериями правомерности, законности принимаемых государством социальных норм. Гуманистические идеалы, принципы правового государства должны определять вектор общественного развития, организации социума.

В более поздних работах С. С. Алексеев уточнил данную схему ступеней правового развития (прогресса): во-первых, кулачное право он включил в право сильного, тем самым лишив его статуса отдельной ступени; во-вторых, выделил новый этап в «правовой лестнице» – право государства (между правом власти и правом гражданского общества); в-третьих, предложил иное наименование заключительной ступени – «гуманистическое право»¹.

Кроме названной «лестницы правового прогресса» С. С. Алексеев предлагал в качестве отдельных вех на пути правового развития общества рассматривать переход, во-первых, от формальной законности к правозаконности, во-вторых, от «прав человека к праву человека». Взяв за основу идею известного австрийского экономиста и философа, нобелевского лауреата Ф. Хайека о том, что величайшим достижением либеральной эпохи, щитом свободы и юридическим механизмом ее реализации является правовая законность², он развил эту идею и приложил ее к теории правового прогресса, оценивая ее осуществление в социальной жизни как важный этап, для которого характерны особое состояние правовых институтов, их отрыв от власти, от ее произвола, возвышение права над политической сферой, как выход общества на качественно новую правовую орбиту. Правовая законность принципиально отличается от формальной (юридической) законности тем, что в обществе принимаются и действуют не любые нормы, законы и подзаконные акты, а только те, которые выражают фундаментальные принципы права, идеи гуманизма и свободы³. Что касается перехода от «прав человека к праву человека», то речь здесь идет о том, что права человека – это личностные, субъективные притязания, имеющие естественно-правовую основу, право же человека лежит в другой плоскости, оно представляет собой объективное право, нормативно-правовую реальность. По убеждению С. С. Алексеева, формирование права человека как объективной реальности есть «самый главный перелом в мире правовых явлений и правовых представлений, происшедших за всю человеческую историю»⁴.

Размышляя о тенденциях развития права в третьем тысячелетии, основатель уральской школы теории права отмечал возникновение такого явления глобального порядка, как правовая конвергенция⁵. Под ней он понимал взаимное обогащение существующих правовых систем романо-германского и англосаксонского права. По его мнению, постепенно происходит их встречное движение, изучение и использование накопленного позитивного потенциала одной системы в рамках другой. Наиболее удачные юридические конструкции, нормы, процедуры, регулятивно-правовые идеи, сформулированные англо-американскими юристами, заимствуются представителями европейского континентального правового сообщества, и наоборот. Данный процесс основывается на общих демократических ценностях, на признании приоритета прав и свобод человека и гражданина.

¹ Алексеев С. С. Философия права. М., 1997. С. 72; *Его же*. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 296; *Его же*. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001. С. 222.

² Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 128.

³ Алексеев С. С. Философия права. С. 130–147.

⁴ Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. С. 117.

⁵ Там же. С. 155.

Что касается главного источника правового прогресса, того энергетического правового центра, где зарождаются основные правовые импульсы, приводящие в движение всю правовую сферу, то, по мнению С. С. Алексеева, этим центром является частное право. Именно зарождение системы частного права в Древнем Риме привело к интенсивному правовому развитию, имело «взрывной» эффект¹. Он полагал, что правовую культуру и правовой прогресс следует рассматривать дифференцированно применительно к частному и публичному праву. У них разная коммуникативная природа: властеотношения и отношения свободы, равенства. В целом для права как явления цивилизации исходной была и остается система частного права.

Список литературы

- Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М., 2001.
Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1.
Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998.
Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971.
Алексеев С. С. Тайна и сила права. Наука права: новые подходы и идеи. Право в жизни и судьбе людей. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009.
Алексеев С. С. Теория права. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1995.
Алексеев С. С. Философия права. М., 1997.
Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк. М., 1999.
Архипов С. И. Теории социально-правовых циклов О. Шпенглера и А. Тойнби // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 4. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1502>.
Баринов П. С. Обесценивание правовых категорий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2019.
Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998.
Покровский И. А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4.
Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996.
Семитко А. П. С. С. Алексеев: ценность права – в утверждении ценности личности, ее прав и свобод, высокой организованности и порядка в жизни общества // Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. Екатеринбург, 2019.
Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 11.

References

- Alekseev S. S. Chastnoe pravo: nauchno-publitsisticheskii ocherk. M., 1999.
Alekseev S. S. Filosofiya prava. M., 1997.
Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. M., 1981. T. 1.
Alekseev S. S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1999.
Alekseev S. S. Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuyu epokhu. M., 1998.
Alekseev S. S. Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve. M., 1971.
Alekseev S. S. Taina i sila prava. Nauka prava: novye podkhody i idei. Pravo v zhizni i sud'be lyudei. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2009.
Alekseev S. S. Teoriya prava. Izd. 2-e, pererab. i dop. M., 1995.
Alekseev S. S. Voskhozhdenie k pravu. Poiski i resheniya. M., 2001.
Arkhipov S. I. Teorii sotsial'no-pravovykh tsiklov O. Shpenglera i A. Toinbi // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskemu zhurnal»u. 2019. № 4. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1502>.
Barinov P. S. Obestseniwanie pravovykh kategorii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 2019.
Berman G. D. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. 2-e izd. M., 1998.
Khayek F. Doroga k rabstvu // Voprosy filosofii. 1990. № 11.
Pokrovskii I. A. Abstraktnyi i konkretnyi chelovek pered litsom grazhdanskogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. 1913. № 4.
Semitko A. P. Razvitie pravovoi kul'tury kak pravovoi progress. Ekaterinburg, 1996.
Semitko A. P. S. S. Alekseev: tsennost' prava – v utverzhdenii tsennosti lichnosti, ee prav i svobod, vysokoi organizovannosti i poryadka v zhizni obshchestva // Alekseev S. S. Sotsial'naya tsennost' prava v sovetskom obshchestve. Ekaterinburg, 2019.

¹ Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк. М., 1999. С. 78–79.

ИЗМЕНЕНИЕ КЛИМАТА И ПОДДЕРЖАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ*

Абашидзе Аслан Хусейнович

Заведующий кафедрой международного права Российского университета дружбы народов (Москва), доктор юридических наук, профессор,
e-mail: abashidze-akh@rudn.ru

Солнцев Александр Михайлович

Доцент кафедры международного права Российского университета дружбы народов (Москва), кандидат юридических наук,
e-mail: solntsev-am@rudn.ru

Проблематика противодействия изменению климата со стороны международного сообщества привлекает все больше внимания государств. С 2007 г. вопрос глобального изменения климата стал даже рассматриваться в Совете Безопасности ООН в контексте поддержания мира и безопасности, прежде всего в отношении ряда африканских государств. В статье критикуется идея создания «климатического трибунала» при Совете Безопасности ООН, а также предлагается идея рассмотрения вопросов изменения климата в контексте мира и безопасности не на постоянной основе, а в исключительных случаях, когда есть соответствующие риски.

Ключевые слова: изменение климата, полномочия Совета Безопасности ООН, Африка

CLIMATE CHANGE AND INTERNATIONAL SECURITY

Abashidze Aslan

Head of the department, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), doctor of legal sciences,
e-mail: abashidze-akh@rudn.ru

Solntsev Alexander

Associate professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow), candidate of legal sciences,
e-mail: solntsev-am@rudn.ru

The issue of combating climate change by the international community is gaining momentum today. Since 2007, the issue of global climate change has even been considered in the UN Security Council in the context of maintaining peace and security, especially in relation to a number of African states. The article criticizes the idea of creating a «climate tribunal» under the UN Security Council, and also proposes the idea of considering climate change issues in the context of peace and security not on an ongoing basis, but in exceptional cases when there are corresponding risks.

Key words: climate change, mandate of the UN Security Council, Africa

Изменение климата влияет на повышение уровня моря, увеличивает интенсивность наводнений и других стихийных бедствий, ведет к сокращению биологического разнообразия, появлению экологических беженцев¹. В докладе Межправительственной группы по изменению климата, принятом в октябре 2018 г., отмечается, что государ-

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 19-011-00515 «Международное право и защита атмосферы в эпоху изменения климата».

¹ Иванов Д. В. Международно-правовые аспекты экологической миграции: к вопросу о понятии «экологический беженец» // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения»: в 2 ч. М., 2015. Ч. 1. С. 9–15.

ства должны удерживать повышение температуры в пределах 1,5 °C до конца столетия, достичь нулевого уровня выбросов углекислого газа к 2050 г., на 45 % сократить выбросы парниковых газов к 2030 г.¹ Однако при сегодняшнем темпе выбросов мир достигнет потепления на 1,5 °C в период между 2030 и 2052 гг., а к 2100 г. потепление может увеличиться более чем на 3 °C. Уже теряет свою актуальность зафиксированный в Парижском соглашении по климату консенсус об установлении долгосрочной цели по удержанию прироста глобальной средней температуры намного ниже 2 °C сверх доиндустриальных уровней и приложению усилий в целях ограничения роста температуры в пределах 1,5 °C.

В рамках ООН предпринимается множество усилий по решению проблемы изменения климата на системной основе, в том числе в рамках достижения цели Парижского соглашения и цели устойчивого развития 13 «Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями» в период 2016–2030 гг.²

Дипломатии и международных переговоров по созданию норм в сфере изменения климата очевидно недостаточно для выработки необходимых мер по смягчению или адаптации к изменению климата. В последние десять лет вопрос противодействия изменению климата стал рассматриваться в контексте обеспечения безопасности. Сопряженные с неустойчивостью климата риски, затрагивающие международный мир и безопасность, могут быть рассмотрены в Совете Безопасности ООН.

В 2007 г. Совет Безопасности ООН по инициативе Великобритании впервые провел дебаты по энергетике, климату и безопасности (письмо постоянного представителя Великобритании S/2007/186). В то время существовала серьезная оппозиция расширению компетенции Совета, который мог взять на себя роль Генеральной Ассамблеи, но резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/63/281 (2009) устранила это препятствие, предложив «соответствующим органам Организации Объединенных Наций, когда необходимо и в рамках их соответствующих мандатов, активизировать свои усилия по рассмотрению и решению проблемы изменения климата, включая ее возможные последствия для безопасности».

В 2011 г. под председательством Германии Совет Безопасности ООН провел вторые прения по теме «Поддержание международного мира и безопасности: последствия изменения климата». В заявлении председателя Совета Безопасности ООН на этих прениях выражалась обеспокоенность тем, что «возможные неблагоприятные последствия изменения климата могут в долгосрочной перспективе усугубить некоторые существующие угрозы международному миру и безопасности» (заявление председателя Совета Безопасности S/PRST/2011/15). С тех пор в 2013, 2015, 2016 и 2017 гг. была проведена серия неофициальных встреч по формуле Аррии³. В июле 2018 г. Швеция инициировала в Совете прения по теме «Понимание и устранение связанных с климатом рисков в области безопасности» (письмо постоянного представителя Швеции S/2018/749), а в январе 2019 г. Доминиканская Республика инициировала прения по теме «Решение проблем воздействия бедствий, связанных с изменением климата, на международный мир и безопасность» (письмо постоянного представителя Доминиканской Республики S/2019/1).

Совет Безопасности ООН неоднократно констатировал негативные последствия изменения климата и экологических изменений для стабильности в страновых и региональных контекстах, в том числе в районе бассейна озера Чад (резолюция S/RES/2349 (2017), Сомали (резолюция S/RES/2408 (2018), Западной Африке и Сахеле (заявление председателя Совета Безопасности S/PRST/2018/3), Мали (резолюция S/RES/2423 (2018) и Дарфуре (резолюция S/RES/2429 (2018)). В этих документах Совет Безопасности под-

¹ URL: <https://www.ipcc.ch/sr15>.

² См., например: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/1 (2005).

³ Заседания членов Совета Безопасности ООН по формуле Аррии – неформальные конфиденциальные встречи, организуемые членом или членами Совета Безопасности с целью проведения в частном порядке откровенного обмена мнениями с использованием гибких процедурных рамок и с участием лиц, которых было бы полезно заслушать и которым они хотели бы что-то сообщить. Такой формат заседаний назван в честь венецуэльского дипломата Диего Аррии, который начал применять эту практику в 1992 г. в качестве представителя Венесуэлы в Совете (в 1992–1993 гг.). Заседания по формуле Аррии не предусмотрены в Уставе ООН и Временных правилах процедуры Совета Безопасности. Но в соответствии со ст. 30 Устава Совет может устанавливать собственные правила процедуры.

черкивал необходимость проведения надлежащей оценки рисков и разработки стратегий управления климатическими рисками. В Сахеле и Судане изменение климата обострило конкуренцию за истощающиеся земельные, кормовые и водные ресурсы между фермерами. Частые и продолжительные засухи в Сомали явились одной из основных причин перемещения более 2,6 млн человек (предварительный отчет S/PV.8451). В резолюции Совета Безопасности ООН S/RES/2349 (2017), касающейся регионального кризиса в бассейне озера Чад, было отмечено, что Совет Безопасности ООН «признает негативные последствия изменения климата и экологических изменений – в числе прочих факторов – для стабильности региона, в том числе в виде дефицита воды, засухи, опустынивания, деградации земель и отсутствия продовольственной безопасности, и подчеркивает необходимость надлежащей оценки рисков и разработки правительствами и Организацией Объединенных Наций стратегий управления рисками, связанных с этими факторами» (п. 26).

В названных документах Совет Безопасности ООН закладывает основу для учета климатических рисков при поддержании международной безопасности¹. Высказываются предложения о повышении роли Совета Безопасности в этой сфере. Например, выдвинуто предложение об учреждении на основе резолюции Совета Безопасности ООН трибунала по изменению климата, аналогичного специальным международным уголовным трибуналам по бывшей Югославии и Руанде².

Количество дел, связанных с противодействием изменению климата, в международных и национальных судах безусловно растет³. Эта проблема уже вышла за пределы дискурса экологического права. Однако полагаем, что создание специального трибунала пока преждевременно: в международном уголовном праве нет подходящих составов преступлений, а текущие судебные разбирательства направлены либо на взыскание компенсации с юридических лиц, либо на принуждение государств к принятию более эффективных мер по противодействию изменению климата.

Более реальной кажется идея учреждения специальных комиссий по выплатам ущерба, например, экологическим беженцам, которые пострадали в результате повышения уровня моря или засухи, связанной с изменением климата. Но для этого в каждом конкретном случае нужно будет устанавливать прямую связь между причиненным ущербом и бездействием государств в сфере адаптации к изменениям климата или смягчения их последствий⁴.

Совет Безопасности все чаще признает связь между изменением климата и усугублением конфликтов и выступает с призывами к сбору более полной информации и налаживанию надлежащего управления рисками. Представляется, что подход к управлению рисками должен стать систематическим и всеобъемлющим. Климат – это дополнительный фактор риска в некоторых странах и регионах. Не перегружая работой Совет Безопасности, следует привлекать к решению этого вопроса существующие специализированные органы (программы) в рамках ООН, например механизмы Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015–2030 годы (резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/69/283 (2015)).

Полагаем, что ООН следует работать над развитием доказательной базы для поддержания разработки стратегий предотвращения связанных с изменением климата факторов риска и управления ими на местном уровне, изучать передовую практику государств, а также укреплять партнерские связи в целях более эффективного сотрудничества государств-членов, региональных организаций, гражданского общества в сфере борьбы с изменением климата. Устранение последствий изменения климата – коллективная проблема, которая требует коллективных мер реагирования.

¹ Scott S. V. Implications of climate change for the UN Security Council: mapping the range of potential policy responses // *International Affairs*. 2015. № 6. P. 1317–1333.

² Scott S. V., Keenan P. J., Ku C. The creation of a climate change court or tribunal // *Climate change and the UN Security Council* / ed. by S. V. Scott, C. Ku. Cheltenham; Northampton, 2018. P. 66–84.

³ Nisha G. Climate activists turn to lawsuits to force action on global warming // *Nature*. 2019. 9 July. URL: https://www.nature.com/articles/d41586-019-02121-6?utm_source=Nature+Briefing&utm_campaign=6c5f0660c0-briefing-dy-20190705_COPY_01&utm_medium=email&utm_term=0_c9dfd39373-6c5f0660c0-44154465.

⁴ Otto F., James R., Allen M. The science of attributing extreme weather events and its potential contribution to assessing loss and damage associated with climate change impacts. 2014. URL: https://unfccc.int/files/adaptation/workstreams/loss_and_damage/application/pdf/attributingextremeevents.pdf.

Список литературы

Иванов Д. В. Международно-правовые аспекты экологической миграции: к вопросу о понятии «экологический беженец» // Актуальные проблемы современного международного права: материалы XIII Международного конгресса «Блищенковские чтения»: в 2 ч. М., 2015. Ч. 1.

Nisha G. Climate activists turn to lawsuits to force action on global warming // Nature. 2019. 9 July. URL: https://www.nature.com/articles/d41586-019-02121-6?utm_source=Nature+Briefing&utm_campaign=6c5f0660c0-briefing-dy-20190705_COPY_01&utm_medium=email&utm_term=0_c9dfd39373-6c5f0660c0-44154465.

Otto F., James R., Allen M. The science of attributing extreme weather events and its potential contribution to assessing loss and damage associated with climate change impacts. 2014. URL: https://unfccc.int/files/adaptation/workstreams/loss_and_damage/application/pdf/attributingextreme-events.pdf.

Scott S. V. Implications of climate change for the UN Security Council: mapping the range of potential policy responses // International Affairs. 2015. № 6.

Scott S. V., Keenan P. J., Ku C. The creation of a climate change court or tribunal // Climate change and the UN Security Council / ed. by S. V. Scott, C. Ku. Cheltenham; Northampton, 2018.

References

Ivanov D. V. Mezhdunarodno-pravovye aspekty ekologicheskoi migratsii: k voprosu o ponyatii «ekologicheskii bezhenets» // Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava: materialy XIII Mezhdunarodnogo kongressa «Blishchenkovskie chteniya»: v 2 ch. M., 2015. Ch. 1.

Nisha G. Climate activists turn to lawsuits to force action on global warming // Nature. 2019. 9 July. URL: https://www.nature.com/articles/d41586-019-02121-6?utm_source=Nature+Briefing&utm_campaign=6c5f0660c0-briefing-dy-20190705_COPY_01&utm_medium=email&utm_term=0_c9dfd39373-6c5f0660c0-44154465.

Otto F., James R., Allen M. The science of attributing extreme weather events and its potential contribution to assessing loss and damage associated with climate change impacts. 2014. URL: https://unfccc.int/files/adaptation/workstreams/loss_and_damage/application/pdf/attributingextreme-events.pdf.

Scott S. V. Implications of climate change for the UN Security Council: mapping the range of potential policy responses // International Affairs. 2015. № 6.

Scott S. V., Keenan P. J., Ku C. The creation of a climate change court or tribunal // Climate change and the UN Security Council / ed. by S. V. Scott, C. Ku. Cheltenham; Northampton, 2018.

**ОДНОСТОРОННИЕ АКТЫ ГОСУДАРСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ:
ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ****Сметанин Никита Владимирович**

Аспирант кафедры международного и европейского права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
e-mail: niksmt@gmail.com

Статья посвящена перспективам изучения односторонних актов государств. Дана оценка различным позициям о сущности односторонних актов государств, а также представлен краткий обзор практики международных судов и Комиссии международного права по указанному вопросу. Автор приходит к выводу, что полноценное исследование односторонних актов государств невозможно без надлежащей методологической основы и установления их правовой природы.

Ключевые слова: односторонние акты, юридические акты, юридические факты в международном праве, источники международного права

**UNILATERAL ACTS OF STATES IN INTERNATIONAL LAW:
A GENERAL ARTICULATION OF THE ISSUE****Smetanin Nikita**

Post-graduate, Ural State Law University (Yekaterinburg), e-mail: niksmt@gmail.com

The article is devoted to the prospects of researching unilateral acts of states. The author provides an assessment of various positions on the essence of unilateral acts of states, as well as a brief overview of the practice of international courts and the International Law Commission regarding this issue. The author concludes that a full-fledged study of unilateral acts of states is impossible without an appropriate methodological basis and an establishment of their legal nature.

Key words: unilateral acts, juridical acts, juridical facts in international law, sources of international law

Основой международного права является согласование воли основных субъектов международного права – государств. Такой подход к пониманию и осмыслению сущности международного права весьма распространен как в отечественной¹, так и в зарубежной науке международного права². При таком подходе констатируется, что основными источниками международного права являются международный договор и международный обычай, т. е. те источники, в которых содержится согласованная воля двух и более государств³. При заключении международного договора волеизъявление государств является явным, а при формировании международного обычая волеизъявление может быть подразумеваемым. То есть предпосылкой возникновения права выступает согласованная воля суверенных субъектов международного права – государств. В отсутствие наднационального правосоздающего органа восприятие согласования воли государств в качестве нормообразующего компонента международного

¹ Так, В. М. Шуршалов писал, что «норма международного права воплощает в себе суверенную волю участников международного общения, а правовые отношения, основанные на этих нормах, носят суверенно-волевой характер» (Шуршалов В. М. Международные правоотношения. М., 1971. С. 16–17. См. также: Перевалов В. Д., Шерпаев В. И. Характерные черты современного мирового правопорядка // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2. С. 16).

² Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1: Введение. Общая теория / пер. с ит. под ред. Д. Б. Левина. 4-е изд. М., 1961. С. 312.

³ Международное право: учеб. / отв. ред. Л. А. Лазутин, В. Я. Суворова, И. В. Федоров. М., 2018. С. 51.

права позволяет обосновать юридическую состоятельность международного права как отдельной правовой системы.

Если руководствоваться приведенным подходом к пониманию сущности международного права, возникает обоснованный вопрос: способна ли воля одного государства, существующая независимо от воли других государств (т. е. не предполагающая дальнейшего согласования воли нескольких субъектов международного права), определять содержание международного права? Центральное место в дискуссии об односторонних проявлениях воли государств занимает понятие «односторонний акт государства». В науке международного права не существует единого подхода к определению этого понятия: в практике международного общения существует широкий спектр разновидностей действий и бездействия государств, который может быть охвачен понятием «односторонние акты», при этом сущность и последствия таких актов понимаются разными авторами по-разному. Тем не менее для предметного рассмотрения односторонних актов государств допустимо называть таковыми все внешние проявления воли, исходящие от одного субъекта международного права и порождающие юридические последствия в международном праве.

В свете расширения политической составляющей международных отношений – когда те или иные явления международного характера продиктованы не правовыми, а политическими причинами и когда консенсус в краткосрочной перспективе по ряду вопросов видится недостижимым – необходимость изучения и осмысления односторонних актов государств представляется очевидной. Также современное международное право характеризуется быстрым развитием средств коммуникации, из-за чего волеизъявление государств по огромному количеству вопросов международного права становится все более доступным для широкого круга лиц. В такой ситуации требуется понимание того, какие из проявлений воли государств действительно имеют правовой характер и какой правовой режим должен к ним применяться.

Изучение односторонних актов государств невозможно без определения их сущности и места в системе международного права. Необходимо выяснить, что именно представляют собой односторонние акты государств, как они соотносятся с источниками международного права и, наконец, можно ли посредством одностороннего волеизъявления создавать и изменять само международное право.

История изучения односторонних актов государств в международном праве берет свое начало с представлений об отдельных односторонних проявлениях воли государств. В 1887 г. Т. Функ-Брентано и А. Сорель писали, что такие односторонние волеизъявления, как обмен дипломатическими нотами и письмами, приводят к возникновению обязательств, содержание которых определяется характером и содержанием этих писем или нот. Когда письма глав государств или ноты, подписанные дипломатическими агентами, создают обязательства для государств, представленных данным сувереном или дипломатическим агентом, они предоставляют права государствам-адресатам¹. Авторы в качестве основного источника международного права указывали договор, но отмечали, что дипломатические письма, ноты, протоколы и декларации в той мере, в которой они создают обязательства, также принимают на себя роль международных договоров².

В 1901 г. немецкий ученый К. Гарейс представил иной подход к пониманию односторонних актов, в котором исходил из существования системы волеизъявлений государств, состоящей из односторонних и двусторонних актов, а также иных событий. Он считал, что односторонние акты обладают волевым характером, и относил к ним оккупацию (захват территории), объявление войны, международные противоправные деяния, а также «односторонние декларации, направленные на создание, изменение или отмену отношений по международному праву»³. Приведенный подход является одной из первых попыток сформулировать определение понятия односторонних актов не на основании индуктивного перебора возможных примеров односторонних актов, а на основании установления их места в системе международно-правовых актов.

¹ *Funck-Brentano T., Sorel A. Précis du droit des gens. P., 1887. P. 103. Цит. по: Saganek P. Unilateral acts of states in public international law. Leiden, 2015. P. 27.*

² Там же. P. 109. Цит. по: *Saganek P. Op. cit. P. 28.*

³ *Gareis K. Institutionen des Völkerrechts. Giessen, 1901. P. 88–89. Цит. по: Saganek P. Op. cit. P. 31.*

Д. Анцилотти рассматривал вопрос об односторонних актах государств с точки зрения их волеизъявления. Под волеизъявлением государства в области международного права он понимал «любое проявление воли, из которого нормы международного права выводят юридические последствия»¹. То есть возникновение юридических последствий автор связывал не с волей, а с нормой международного права, применительно к которой была выражена воля тем или иным субъектом. Волеизъявлениями государств Д. Анцилотти называл юридические акты, которые, по его мнению, выступают разновидностью юридических фактов и для существования которых необходимы четыре признака: «правоспособный субъект, соответствующий объект, действительно существующая и неопороченная воля и необходимая форма»². Все международные юридические акты автор делил на две группы: односторонние и двусторонние – в зависимости от того, «связывает ли право юридические последствия с волеизъявлением одного субъекта или же требует согласованности воли двух или более субъектов»³. Из этого следует, что односторонний акт предполагает выражение воли одним субъектом международного права и такое волеизъявление не должно быть обусловлено или опосредовано волеизъявлением других субъектов международного права. Двусторонний акт, наоборот, требует согласования воли двух или нескольких субъектов международного права. В том случае, если одностороннее волеизъявление одного государства требует последующего волеизъявления другого государства, то каждый из приведенных актов становится уже «конститутивным элементом соглашения»⁴.

А. Фердросс, напротив, не использовал понятие «односторонний акт государства», а писал об односторонних сделках, под которыми понимал одностороннее волеизъявление отдельного государства, посредством которого может быть достигнут желаемый правовой результат⁵. Все односторонние сделки А. Фердросс делил на самостоятельные и зависимые от других сделок. Самостоятельные сделки, например признание, протест, отказ и обещание, с точки зрения автора, не находились в зависимости от других сделок. А зависимые односторонние сделки, например принятие предложения или заявление о принятии юрисдикции Международного суда ООН (далее – МС ООН), наоборот, требовали совершения сделок другими субъектами международного права⁶.

Приведенные выше позиции авторов по вопросу о сущности односторонних актов были сформулированы вне рамок специальных исследований, посвященных односторонним актам государств. Такие исследования стали появляться лишь в середине XX в., что связано, с одной стороны, с накоплением практики государств, применяющих односторонние акты, а с другой – с появлением решений Постоянной палаты международного правосудия (далее – ППМП), посвященных односторонним актам государств. Тем не менее приведенные позиции обладают высокой теоретической ценностью, поскольку они основаны на дедуктивном уточнении места односторонних актов в системе международного права. Представляется, что индуктивный перебор примеров односторонних актов с последующим обобщением не может дать целостного представления об указанном явлении: развитие международных отношений может породить новые виды односторонних актов, для которых выработанные представления могут оказаться неподходящими.

Одним из первых исследований, предметом которого были собственно односторонние акты государств, стал труд бельгийского ученого Э. Сюи, подготовленный в 1962 г. Односторонними актами он называл волеизъявления субъектов международного права, порождающие юридические последствия, при условии, что они осуществляются лишь одним субъектом права, не находятся в зависимости от каких-либо иных актов и не могут создавать обязанностей для других субъектов международного пра-

¹ Анцилотти Д. Указ. соч. С. 296.

² Там же. С. 297.

³ Там же. С. 301.

⁴ Там же. С. 302.

⁵ Фердросс А. Международное право / под ред. Г. И. Тункина; пер. с нем. Ф. А. Кублицкого, Р. Л. Нарышкиной. М., 1959. С. 169.

⁶ Там же. С. 169–170.

ва¹. Таким образом, Э. Сюи исключал из перечня односторонних актов государств те волеизъявления, которые находились в зависимости от других актов. Автор сократил перечень односторонних актов до четырех видов: признание, отказ от права, протест и обещание – и исключил из него все акты, касающиеся, например, права договоров².

В последующих работах, направленных на изучение односторонних юридических актов государств, акцент был смещен с выявления правовой природы односторонних актов на их соотношение с источниками международного права. Такая тенденция была вызвана вынесением МС ООН решения по делу о ядерных испытаниях. С 1966 по 1972 г. Франция проводила ядерные испытания на территории французской Полинезии, которые вызвали радиоактивные осадки на территории Новой Зеландии. Новая Зеландия утверждала в суде, что указанные испытания нарушают ее права по международному праву. Ключевым аспектом дела является то, что некоторые официальные лица Франции (в том числе президент) в 1974 г. сделали заявления о том, что более не будут проводить испытания ядерного оружия в атмосфере в южной части Тихого океана. В этом контексте суд отметил, что «заявления, сделанные посредством односторонних актов, касающиеся правовых или фактических ситуаций, могут вызывать юридические обязательства... Обязательство такого рода, если оно дается публично и с намерением быть им связанным, является обязательным, даже если оно не сделано в контексте международных переговоров»³.

В связи с этим М. Виралли указывал, что в большинстве случаев односторонние акты обсуждаются в контексте двух других основных источников международного права – обычаев и международных договоров, поскольку в большинстве случаев односторонние акты относятся либо к применению нормы обычного права, либо к созданию, исполнению или прекращению действия международного соглашения⁴. В то же время автор признавал, что в некоторых случаях, например в случае признания или отказа от права или же в случае принятия на себя государством посредством одностороннего акта обязательства по международному праву, односторонние акты имеют самостоятельное правовое значение. Соответственно, М. Виралли не исключал возможности отнесения односторонних актов к источникам международного права.

В. Д. Деган также указывал, что односторонний акт не зависит от согласия или признания других государств и порождает последствия по международному праву «сам по себе»⁵. И, наконец, А. Пеле говорил о возможности появления новых источников международного права, не поименованных в Статуте МС ООН. По его словам, МС ООН принимает во внимание и опирается на источники, отличные от перечисленных в ч. 1 ст. 38 Статута; в частности, он применяет в своей практике односторонние акты государств и международных организаций⁶.

Упомянутое выше решение МС ООН повлияло также на формирование более сдержанных взглядов на концепцию односторонних актов государств. В связи с этим заслуживает внимания позиция А. Рубина, который утверждал, что до решения суда по этому делу ни в практике государств, ни в теории не было реальной поддержки тезиса о том, что односторонние акты могут при определенных условиях создавать правовые последствия⁷. Автор указывал, что ни один из источников международного права, перечисленных в ч. 1 ст. 38 Статута МС ООН, не может использоваться для оправдания юридической силы односторонних актов, поскольку сформулированная Судом норма по делу о ядерных испытаниях не находит отражения ни в обычном праве, ни в любом

¹ *Suy E.* Les actes juridiques unilatéraux en droit international public: Thèse présentée à l'Université de Geneve... docteur ès sciences politiques. P., 1962. P. 44. Цит. по: *Saganek P.* Op. cit. P. 48.

² *Saganek P.* Op. cit. P. 98.

³ *Nuclear Tests Case (Australia v. France)*, ICJ, 20 December 1974 // I.C.J. Reports. 1974. P. 253.

⁴ *Virally M.* The Sources of International Law // *Manual of Public International Law* / ed. by M. Sorensen. L., 1968. P. 116.

⁵ *Degan V. D.* Unilateral Act as a Source of Particular International Law // *Finnish Yearbook of International Law*. Helsinki, 1994. P. 171.

⁶ *Pellet A.* Article 38 // *The Statute of The International Court of Justice: A Commentary* / eds. A. Zimmermann, C. Tomuschat, K. Oellers-Frahm. 2nd ed. Oxford, 2012. P. 730. Цит. по: *Kassoti E.* The juridical nature of unilateral acts of states in international law. Leiden, 2015. P. 20–21.

⁷ *Rubin A.* The international legal effects of unilateral declarations // *American journal of international law*. 1997. Vol. 71. Iss. 1. P. 24.

другом источнике права¹. Соответственно, односторонние акты не могут выступать источником международного права.

Х. Тирлвей также придерживается позиции о том, что в обычных обстоятельствах односторонние акты не создают юридических последствий². Международная практика государств показывает, что такими «обычными» последствиями одностороннего акта является либо принятие государством-адресатом акта, который становится основой для соглашения, либо игнорирование акта, который соответственно не окажет никакого воздействия.

Таким образом, в зарубежной науке международного права представления об односторонних актах государств начали формироваться еще в первой половине XX в. и основывались на определении места односторонних актов среди иных международно-правовых явлений. Позднее, с расширением судебной практики, исследования в этой области были сосредоточены на более узких вопросах, в частности на соотношении односторонних актов государств с источниками международного права, а также на изучении отдельных видов односторонних актов государств³.

В отечественной науке международного права внимание также было сосредоточено на некоторых аспектах односторонних актов государств. Однако прежде чем обратиться к изучению позиций отечественных авторов, следует отметить, что в XX в. отечественная юриспруденция во многом находилась под влиянием идей марксизма в советской интерпретации, поэтому необходимо отдельно рассматривать точки зрения авторов дореволюционного, советского и постсоветского периодов.

В дореволюционной науке международного права отсутствуют упоминания об односторонних актах государств. В советский период появляются отдельные упоминания односторонних актов государств в рамках более крупных исследований, а в 1984 г. выходит полноценное исследование по этому вопросу – монография Р. А. Каламкаряна, посвященная исключительно односторонним актам.

Советская правовая мысль, особенно во второй половине XX в., основывалась на методологии аналитической юриспруденции, в связи с чем наблюдалось системное осмысление всех правовых явлений: ученые пытались найти место в правовой системе каждому правовому явлению (будь то норма права, юридический факт или источник), и международное право в этом вопросе не стало исключением. Так, В. М. Шуршалов писал об односторонних действиях, которые он относил к юридическим фактам в международном праве. Под юридическими фактами он понимал «события и обстоятельства, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношения»⁴. Такое понимание юридических фактов в целом свойственно советской общей теории права⁵, а также используется в отечественной юриспруденции в настоящее время. По своей воле автор делил юридические факты на действия, имеющие волевой характер и зависящие от воли субъектов права, и события, которые не зависят от воли субъектов права. В свою очередь действия он подразделял на односторонние и двусторонние в зависимости от того, присутствует ли в таком действии согласование воли субъектов права. Среди односторонних действий он выделял следующие виды⁶: односторонние действия, относящиеся к установлению или разрыву дипломатических отношений между государствами (например, признание государства или разрыв дипломатических отношений); односторонние действия, относящиеся к праву международных договоров (например, оговорки, обман при заключении договора, одностороннее нарушение договора); односторонние действия, связанные «с деятельностью государства общего характера» (например, нотификации, протесты и односторонние декларации); односторонние действия, являющиеся правонарушениями.

¹ Rubin A. Op. cit. P. 28.

² Thirlway H. The sources of international law. Oxford, 2014. P. 51.

³ См., например: Eckart Ch. Promises of states under international law. Oxford, 2012.

⁴ Шуршалов В. М. Указ. соч. С. 173.

⁵ С. С. Алексеев в 1972 г. писал, что юридическим фактом является «конкретное жизненное обстоятельство, с которым нормы права связывают юридические последствия» (Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010. С. 336).

⁶ Шуршалов В. М. Указ. соч. С. 185–204.

Р. А. Каламкарян также при определении односторонних актов руководствовался тем, что они являются юридическими фактами. Юридическим актом в международном праве он называл «проявление воли в одностороннем или договорном порядке, приписываемое одному или нескольким субъектам международного права, которому норма этого правопорядка придает последствия, соответствующие воле»¹. Для классификации юридических актов автор предложил использовать два критерия – материальный и формальный: материальный критерий означает характер изменений, происходящих в международном правопорядке, а формальный – количество государств, совершающих юридический акт. С формальной точки зрения односторонние юридические акты совершаются по воле одного государства, а с материальной – создают права для третьих государств. На основании предложенного подхода Р. А. Каламкарян пришел к выводу, что «односторонний юридический акт характеризуется наличием трех элементов: проявлением воли одного субъекта международного права; независимостью по отношению к другим проявлениям воли; правовые последствия, соответствуя проявленной воле, никогда не создают обязательств для третьих государств»².

Исходя из предложенных критериев, Р. А. Каламкарян выделял следующие односторонние юридические акты: протест, признание, отказ и обещание. При этом он отмечал, что указанные акты могут носить как односторонний, так и двусторонний характер, т. е. они могут быть предусмотрены и нормами договорного права, но тогда уже не будут считаться односторонними актами³. Наконец, рассуждая о сущности юридических актов, автор отмечал, что односторонние юридические акты предусмотрены нормами международного обычного права⁴.

В современной отечественной науке международного права (как и в зарубежной) при изучении односторонних актов акцент постепенно сместился с выявления юридической сущности односторонних актов на установление их соотношения с источниками международного права, а также на выведение критериев их действительности. Представляется, что указанные вопросы не менее важны, чем установление юридической сущности односторонних актов, однако они имеют второстепенный характер: без понимания сущности и без четкого определения односторонних актов невозможно проводить разграничение между односторонними актами и другими правовыми явлениями.

До настоящего времени в российской науке международного права не разрешен вопрос об отнесении односторонних актов к источникам международного права. Одни ученые считают их источниками международного права⁵; другие придерживаются позиции, что односторонние акты в международном праве имеют значение только с точки зрения правоприменения и не могут выступать источниками международного права, хотя их влияние на правотворческий процесс существенно⁶.

С. В. Черниченко, в частности, отмечал, что международно-правовой акт примечателен тем, что представляет собой совместное волеизъявление не менее двух участников межгосударственных отношений. Одностороннее волеизъявление не выражает согласия участников международного общения, в связи с чем качествами международно-правового акта не обладает. Соответственно, волеизъявление в виде одностороннего акта выступает в межгосударственных отношениях как обычный юридический факт и влечет правовые последствия лишь потому, что уже урегулировано действующими нормами международного права – договором – или нормами обычного права⁷.

¹ Каламкарян Р. А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. М., 1984. С. 13.

² Там же. С. 28.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 38.

⁵ Ушаков Н. А. Международное право и национальное законодательство. М., 2009. С. 287–289.

⁶ Ляхов Е. Г., Бадалина М. Б., Алимов А. А. Односторонние международные акты государств и приграничное сотрудничество // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1. С. 99.

⁷ Черниченко С. В. Теория международного права: в 2 т. Т. 1: Современные теоретические проблемы. М., 1999. С. 89.

В свою очередь Г. И. Курдюков под односторонними актами понимал действия государства, которыми оно принимает на себя международно-правовые обязательства. Он также отмечал, что односторонние юридические акты – это проявление воли, суверенных прав государства, они являются правилами поведения специального характера или, иными словами, способом регулирования международных отношений в одностороннем порядке¹.

Наконец, Е. Коннова односторонним актом государства считает «одностороннее проявление воли, сформулированное публично в отношении его адресатов, выражающее намерение вызвать последствия по международному праву и способное независимо от вмешательства воли других государств породить согласно проявленной воле такие последствия, которые, будучи способны предоставлять права, не могут выступать в форме обязательств для третьих государств»².

Важную роль в формировании представлений о сущности односторонних актов сыграла практика международных судов.

Одним из первых дел, связанных с волеизъявлением государства посредством одностороннего акта, является дело о Восточной Гренландии, которое рассматривалось ППМП³. Основой для рассмотрения дела выступило устное заявление министра иностранных дел Норвегии М. Илена о суверенитете Дании над Гренландией.

ППМП подробно изучила обстоятельства, при которых было сделано упомянутое заявление, и постановила, что оно не могло рассматриваться в качестве определенного признания Норвегией суверенитета Дании над всем островом, но могло представлять собой одностороннее обещание, обязывающее Норвегию воздерживаться от оккупации какой-либо части Гренландии. Суд посчитал, что, вне всяких сомнений, ответ министра иностранных дел на запрос дипломатического представителя иностранной державы по вопросу, входящему в его компетенцию, является обязательным для страны, которую представляет министр. Таким образом, при рассмотрении данного дела суд впервые признал обязательную юридическую силу одностороннего заявления представителя государства.

Одним из наиболее значимых решений, касающихся односторонних актов государств, выступает уже упомянутое решение МС ООН по делу о ядерных испытаниях, в котором отмечено, что заявления, сделанные посредством односторонних актов, затрагивающие правовые или фактические ситуации, могут вызывать юридические обязательства.

Таким образом, в практике международных судов имеются примеры признания юридической силы односторонних волеизъявлений государств. Вместе с тем суд в приведенных решениях не задействует четкую международно-правовую регламентацию или же глубокую теоретическую основу для обоснования своих выводов. В литературе даже есть позиция о том, что, обратившись в деле о ядерных испытаниях к вопросу односторонних актов, МС ООН избежал решения более фундаментального вопроса о том, совместимы ли испытания ядерного оружия как таковые с нормами международного права⁴. В связи с этим на основании лишь решений международных судов сделать выводы о юридической сущности односторонних актов государств не представляется возможным.

Большое значение для науки международного права имеют работы КМП. Результаты деятельности этого органа следует воспринимать не как вид законотворчества, а как труды научного характера. Тема односторонних актов государств находилась на рассмотрении в КМП в течение десяти лет – с 1996 по 2006 г.

В рамках работы над указанной темой специальный докладчик Р. Седенью представил девять докладов, посвященных односторонним актам государств. В первом предварительном докладе Р. Седенью сформулировал методологию изучения темы односторонних актов: он указал, что односторонние акты можно разделить на формальные

¹ Курдюков Г. И. Односторонние юридические акты государств // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1. С. 199.

² Коннова Е. К вопросу об определении понятия односторонних актов государств // Журнал международного права и международных отношений. 2008. № 3. С. 7.

³ Legal Status of Eastern Greenland (*Den. v. Nor.*), 1933 P.C.I.J. (ser. A/B) No. 53 (Apr. 5).

⁴ Подробнее см.: Klabbbers J. International law. 2nd ed. Cambridge, 2017. P. 39.

и материальные; к формальным он отнес заявление, указав, что материальные акты могут формулироваться посредством формальных, т. е. заявлений. Здесь он провел аналогию с правом международных договоров: процесс формулирования заявления он отождествлял с процессом заключения договора. Также специальный докладчик предложил исключить из темы те акты, которые урегулированы правом международных договоров или правом международной ответственности.

Во втором докладе на основании ранее сформулированных предложений было дано определение одностороннего правового акта (одностороннего заявления): это «недвусмысленное самостоятельное волеизъявление, сформулированное публично одним или несколькими государствами в отношении другого государства или государств, международного сообщества в целом или международной организации, с намерением приобрести международные правовые обязательства»¹.

В пятом докладе упоминание одностороннего заявления было исключено из определения, и оно приобрело следующий вид: «Под односторонним актом государства понимается недвусмысленное волеизъявление государства, сформулированное с намерением вызвать правовые последствия в его отношениях с одним или несколькими государствами либо с одной или несколькими международными организациями, о котором известно этому государству или этой международной организации»².

После обсуждения пятого доклада произошло существенное изменение методологии исследования: специальный докладчик стал анализировать отдельные виды односторонних актов государств (признание, отказ от права и др.). Такое изменение подхода Р. Седенью объяснял тем, что в КМП не было достигнуто согласия относительно правовой природы односторонних актов; некоторые члены придерживались мнения о том, что «эта тема еще недостаточно созрела для того, чтобы быть объектом такой работы»³.

Работа КМП над кодификацией и прогрессивным развитием доктрины односторонних актов государств не увенчалась успехом. Существование различных подходов к пониманию односторонних актов стало препятствием для выявления набора общих признаков и правил, применимых без исключения ко всем односторонним актам. По этой причине результат оказался весьма скромным: КМП приняла десять руководящих принципов, применимых к односторонним декларациям государств, которые способны создавать юридические обязательства.

В 2006 г. КМП в заключении по результатам проведенной работы указала, что принимает во внимание сложный характер односторонних актов государств и признает возможность их рассмотрения в двух плоскостях: в широком смысле односторонние акты представляют собой некоторое поведение государств, которое может иметь правовые последствия (односторонние акты в широком смысле); в узком смысле это официальные декларации, сформулированные государством с намерением создать обязательства по международному праву.

С позиции КМП, государства могут быть связаны односторонними волеизъявлениями в сфере международного общения и эти волеизъявления могут быть официальными декларациями или какими-либо иными актами. В 2006 г. кодификация широкого спектра актов, не относящихся к декларациям, которые могут привести к юридическим последствиям, была признана невыполнимой задачей. Десять принятых руководящих принципов носят ограничительный характер и касаются исключительно официальных деклараций. В связи с этим работу КМП над изучением односторонних актов государств нельзя считать окончательной.

В заключение хотелось бы сказать, что односторонние акты государств в международном праве обладают обширной историей исследования. Историческое развитие данного международно-правового явления демонстрирует постепенное усложнение понимания его сущности. Но этот процесс происходил не изолированно от развития других международно-правовых институтов. Особое влияние на формирование представлений об односторонних актах оказало изучение правовой природы источников международного права, юридических фактов и юридических актов.

¹ Второй доклад об односторонних актах государств: док. ООН A/CN.4/500. Женева, 1999. С. 10.

² Пятый доклад об односторонних актах государств: док. ООН A/CN.4/525. Женева, 2002. С. 21.

³ Шестой доклад об односторонних актах государств: док. ООН A/CN.4/534. Женева, 2003. С. 3.

В настоящее время в науке международного права нет единой позиции о сущности односторонних актов. Отсутствие консенсуса по этому вопросу, по крайней мере в научном сообществе, не позволяет ответить на другие вопросы, касающиеся применения односторонних актов государств. Сложившаяся ситуация обусловлена тем, что юристы-международники при изучении различных международно-правовых явлений во многом используют те научные подходы, на которых они были «воспитаны». По этой причине выделение односторонних юридических актов как отдельного правового явления (даже института) допустимо для представителей науки международного права, относящихся к правовым системам континентального права. Для представителей же англосаксонской правовой системы выделение односторонних юридических актов в качестве отдельного правового явления лишено научного смысла.

Более того, наука международного права приобретает «национальный характер»: каждая национальная наука международного права придерживается своего метода, а универсальная методология при этом отсутствует. Именно по этой причине кодификационная работа в области односторонних актов не увенчалась успехом: различные воззрения членов КМП заставили специального докладчика отойти от дедуктивного выведения понятия односторонних юридических актов и заняться простым перебором характеристик указанных актов до индуктивного обобщения их возможных разновидностей. В связи с этим для полноценного исследования односторонних актов государств, нацеленного на выявление их правовой природы, требуется надежная методологическая основа.

Представляется, что подход, основанный на определении места односторонних актов в международно-правовой системе, является наиболее удачным. Перебор примеров односторонних актов государств с последующим обобщением не может дать целостного представления об этом явлении: развитие международных отношений может привести к появлению новых видов односторонних актов, ранее не входивших в предмет исследования. Что касается вопроса о соотношении односторонних актов и источников международного права, то он вторичен по отношению к вопросу об определении сущности односторонних актов.

Список литературы

- Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010.
- Анцилотти Д. Курс международного права. Т. 1: Введение. Общая теория / пер. с ит. под ред. Д. Б. Левина. 4-е изд. М., 1961.
- Каламкарян Р. А. Международно-правовое значение односторонних юридических актов государств. М., 1984.
- Коннова Е. К вопросу об определении понятия односторонних актов государств // Журнал международного права и международных отношений. 2008. № 3.
- Курдюков Г. И. Односторонние юридические акты государств // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 1.
- Ляхов Е. Г., Бадалина М. Б., Алимов А. А. Односторонние международные акты государств и приграничное сотрудничество // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 1.
- Международное право: учеб. / отв. ред. Л. А. Лазутин, В. Я. Суворова, И. В. Федоров. М., 2018.
- Перевалов В. Д., Шерпаев В. И. Характерные черты современного мирового правопорядка // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2.
- Ушаков Н. А. Международное право и национальное законодательство. М., 2009.
- Фердросс А. Международное право / под ред. Г. И. Тункина; пер. с нем. Ф. А. Кублицкого, Р. Л. Нарышкиной. М., 1959.
- Черниченко С. В. Теория международного права: в 2 т. Т. 1: Современные теоретические проблемы. М., 1999.
- Шуршалов В. М. Международные правоотношения. М., 1971.
- Degan V. D. Unilateral Act as a Source of Particular International Law // Finnish Yearbook of International Law. Helsinki, 1994.
- Eckart Ch. Promises of states under international law. Oxford, 2012.
- Funck-Brentano T., Sorel A. Précis du droit des gens. P., 1887.
- Gareis K. Institutionen des Völkerrechts. Giessen, 1901.
- Kassoti E. The juridical nature of unilateral acts of states in international law. Leiden, 2015.
- Klabbers J. International law. 2nd ed. Cambridge, 2017.
- Pellet A. Article 38 // The Statute of The International Court of Justice: A Commentary / eds. A. Zimmermann, C. Tomuschat, K. Oellers-Frahm. 2nd ed. Oxford, 2012.

- Rubin A.* The international legal effects of unilateral declarations // American journal of international law. 1997. Vol. 71. Iss. 1.
- Saganek P.* Unilateral acts of states in public international law. Leiden, 2015.
- Suy E.* Les actes juridiques unilatéraux en droit international public: Thèse présentée à l'Université de Geneve... docteur ès sciences politiques. P., 1962.
- Thirlway H.* The sources of international law. Oxford, 2014.
- Virally M.* The Sources of International Law // Manual of Public International Law / ed. by M. Sorensen. L., 1968.

References

- Alekseev S. S.* Sbranie sochinenii: v 10 t. T. 3: Problemy teorii prava: kurs lektsii. M., 2010.
- Antsilotti D.* Kurs mezhdunarodnogo prava. T. 1: Vvedenie. Obshchaya teoriya / per. s it. pod red. D. B. Levina. 4-e izd. M., 1961.
- Chernichenko S. V.* Teoriya mezhdunarodnogo prava: v 2 t. T. 1: Sovremennye teoreticheskie problemy. M., 1999.
- Degan V. D.* Unilateral Act as a Source of Particular International Law // Finnish Yearbook of International Law. Helsinki, 1994.
- Eckart Ch.* Promises of states under international law. Oxford, 2012.
- Ferdross A.* Mezhdunarodnoe pravo / pod red. G. I. Tunkina; per. s nem. F. A. Kublitskogo, R. L. Naryshkini. M., 1959.
- Funck-Brentano T., Sorel A.* Précis du droit des gens. P., 1887.
- Gareis K.* Institutionen des Völkerrechts. Giessen, 1901.
- Kalamkaryan R. A.* Mezhdunarodno-pravovoe znachenie odnostoronnikh yuridicheskikh aktov gosudarstv. M., 1984.
- Kassoti E.* The juridical nature of unilateral acts of states in international law. Leiden, 2015.
- Klabbers J.* International law. 2nd ed. Cambridge, 2017.
- Konnova E.* K voprosu ob opredelenii ponyatiya odnostoronnikh aktov gosudarstv // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnykh otnoshenii. 2008. № 3.
- Kurdyukov G. I.* Odnostoronnie yuridicheskie akty gosudarstv // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2012. № 1.
- Lyakhov E. G., Badalina M. B., Alimov A. A.* Odnostoronnie mezhdunarodnye akty gosudarstv i prigranichnoe sotrudnichestvo // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2011. № 1.
- Mezhdunarodnoe pravo: ucheb. / otv. red. L. A. Lazutin, V. Ya. Suvorova, I. V. Fedorov. M., 2018.*
- Pellet A.* Article 38 // The Statute of The International Court of Justice: A Commentary / eds. A. Zimmermann, C. Tomuschat, K. Oellers-Frahm. 2nd ed. Oxford, 2012.
- Perevalov V. D., Sherpaev V. I.* Kharakternye cherty sovremennogo mirovogo pravoporyadka // Herald of The Euro-Asian Law Congress. 2018. № 2.
- Rubin A.* The international legal effects of unilateral declarations // American journal of international law. 1997. Vol. 71. Iss. 1.
- Saganek P.* Unilateral acts of states in public international law. Leiden, 2015.
- Shurshalov V. M.* Mezhdunarodnye pravootnosheniya. M., 1971.
- Suy E.* Les actes juridiques unilatéraux en droit international public: Thèse présentée à l'Université de Geneve... docteur ès sciences politiques. P., 1962.
- Thirlway H.* The sources of international law. Oxford, 2014.
- Ushakov N. A.* Mezhdunarodnoe pravo i natsional'noe zakonodatel'stvo. M., 2009.
- Virally M.* The Sources of International Law // Manual of Public International Law / ed. by M. Sorensen. L., 1968.

ИСТОРИЯ ЗАКРЕПЛЕНИЯ СВОБОДЫ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В НАЦИОНАЛЬНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Костогризова Любовь Юрьевна

Доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
e-mail: klyu002@yandex.ru

В статье рассматривается история закрепления свободы вероисповедания с древности и до наших дней в национальном законодательстве и международном праве. В древних обществах приоритетной являлась религия места. Государства, заключавшие мирный договор, уважали религию друг друга. С появлением государственной религии инакомыслящие начали преследоваться, что привело к религиозным конфликтам, выходом из которых стало разрешение в той или иной стране безнаказанно исповедовать свое вероучение. Борьба за независимость в Северной Америке способствовала закреплению свободы вероисповедания в конституционных актах как Нового, так и Старого света. В международном праве свобода вероисповедания предусмотрена в ключевых документах XX в., включая Международный билль о правах человека, Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений. Большинство современных государств гарантирует свободу вероисповедания, имплементируя в свое законодательство нормы международного права.

Ключевые слова: история религии, свобода вероисповедания, международное право, законодательство о правах человека

THE HISTORY OF FIXATION OF FREEDOM OF RELIGION IN NATIONAL AND INTERNATIONAL LAW

Kostogryzova Lyubov'

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
e-mail: klyu002@yandex.ru

The article is devoted to the history of fixation of freedom of religion in national legislation and international law from ancient times till nowadays. The religion of the place was a priority in ancient societies. Ancient states, which concluded peace treaties, had to respect the religion of each other. When the state religion appeared many dissidents had been persecuted, and this led to numerous religious conflicts. The permission to freely manifest different religions solved this problem. The struggle for independence in North America helped to consolidate religious freedom in constitutional documents both in the New and the Old World. Freedom of religion is proclaimed in general international documents of 20th century including the International Bill of Rights, the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, and the United Nation Declaration on Religious Freedom. Today most states guarantee freedom of religion by implementing international law norms.

Key words: history of religion, freedom of religion, international law, human rights law

Свобода вероисповедания фактически является нормой *jus cogens*, которая не оспаривается и требует безусловного соблюдения, «принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо, и которая может быть изменена только последующей нормой общего междуна-

родного права, носящей такой же характер»¹. Она закреплена как в национальном законодательстве, так и в важнейших международно-правовых документах. Но так было далеко не всегда. Изначально свобода вероисповедания защищалась отдельными государствами, фиксировалась в законодательных актах той или иной страны и лишь спустя длительное время превратилась в норму *jus cogens*. Проследим основные, на наш взгляд, исторические этапы этого закрепления.

Религия, являясь неотъемлемой частью человеческой жизни, играла большую роль в истории общества и государства и во взаимоотношениях между государствами.

Так, в обществе древнего мира (на древнем Востоке, в древнегреческих полисах) приоритетной являлась религия места. В каждой общине почитались свои боги, и человек, поселившийся там, должен был в первую очередь отправлять их культ, а поклонялся он другим богам или нет, не имело значения. В Древнем Риме ситуация была схожей. Рим можно назвать «толерантной державой»: к человеку не было претензий, если он воздавал почести римским богам, а впоследствии – римскому императору. Собственно, с этим в какой-то степени было связано преследование христиан, признававших одного Бога и не почитавших других богов и императора. Когда общины соединялись в единое государство, происходило либо объединение культов и атрибутов (как в Египте в 3000 г. до н. э.), либо какой-то бог объявлялся покровителем страны, ему поклонялись все, а на местах осуществлялись культы «своих» богов-покровителей (так, в Аттике после синойкизма в IX в. до н. э. объединившиеся общины почитали богиню Афины).

При заключении разными государствами мирного договора боги обоих государств призывались в качестве свидетелей искренности намерений сторон². Или же в текстах договоров предусматривалось взаимоуважение религий договаривающихся сторон. Показателен в этом отношении договор Руси с Византией 944 г. Уважение к религии другой стороны выражалось в том, что, во-первых, за нарушение договора каждого наказывали свои боги («если (кто-либо) из Русской страны замыслит нарушить эту дружбу, то пусть те из них, которые приняли крещение, получают от Вседержителя Бога возмездие и осуждение на погибель и в этом мире и в загробном; а те из них, которые не крещены, пусть не получают помощи ни от Бога, ни от Перуна, да не защитятся они своими щитами и да погибнут они от своих мечей, от стрел и другого своего оружия и да пребудут рабами в этом мире и загробном»³), во-вторых, при заключении договора представители сторон произносили клятву в соответствии со своими верованиями⁴.

В Средние века понятие «религия страны» выступило на первый план. При характеристике того или иного средневекового государства используется термин «государственная религия», описываются отношения между играющей значительную роль церковью и государством. Ситуация усложнялась с появлением разных течений внутри одной религии или с появлением не менее масштабных, чем христианство, религий (ислам). Провозглашение какой-то религии в качестве государственной приводило либо к преследованию лиц других исповеданий, либо к умалению их прав.

Например, 27 февраля 380 г. в Византии император Римской империи Феодосий (347–395) издал эдикт *De fide catholica* («О католической вере»), по которому все народы, находящиеся под его управлением, «должны придерживаться веры, переданной римлянам апостолом Петром... в соответствии с учением апостолов и Евангелия... должны верить в единого Бога Отца, Сына и Святого Духа, придерживаясь положения

¹ Статья 53 Венской конвенции о праве международных договоров.

² Так, в мирном договоре египетского фараона Рамсеса II с хеттским царем Хаттусилисом ок. 1280 г. до н. э. сказано: «Что касается этих слов – тысяча богов из богов и богинь страны хеттов вместе с тысячей богов из богов и богинь Египта – они как свидетели, исполняющие (?) эти слова... Что касается того, кто будет блюсти слова (договора. – Л. К.) ...будь они из страны хеттов, будь они из египтян, и они не будут пренебрегать ими, то тысяча богов страны хеттов и Египта дадут, чтобы он был здоров, дадут, чтобы он был жив вместе с его домом, вместе с его страной, вместе с его подданными» (Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980. Ч. 1. С. 82).

³ Договоры Руси с Византией: учеб.-метод. пособие / под ред. М. В. Федорова. М., 2012. С. 62.

⁴ «Мы же (клянемся): те из нас, кто крещен, клянемся в соборной церкви церковью святого Ильи, лежащим честным крестом и этой хартией соблюдать все, что на ней написано, и ничего из того (что в ней написано), не нарушать» (Договоры Руси с Византией. С. 66).

о том, что они равны по величию, а также догмата о Святом Духе» (Cod. Theod., XVI. 1. 2). Арианство и другие течения в христианстве, отличные от Никейского Символа веры, объявлялись ересями и подлежали преследованию со стороны государства. Хотя арианских убеждений придерживалось множество жителей империи, им запрещалось иметь свои церкви и собираться в населенных пунктах. Преследованию подвергались и язычники. Так, по эдикту 391 г. «никому не дано права совершать жертвоприношения, никто не должен совершать обход вокруг [языческих] храмов, никто не должен почитать капища. Каждый должен знать, что закон запрещает вход в языческие храмы, и если кто-либо попытается, невзирая на запрет, совершить те или иные культовые действия по отношению к богам, то пусть знает, что ему не удастся избежать наказания, даже воспользовавшись особыми знаками императорского расположения. Судья... должен заставить нечестивого нарушителя закона, вошедшего в оскверненное место, заплатить в казну штраф в размере пятнадцати фунтов золотом» (Cod. Theod., XVI. 10. 11).

Умалению прав в исламских странах подвергались немусульмане. Лица, исповадовавшие христианство или иудаизм, должны были платить поземельный налог – харадж – и особую подушную подать – джизью.

Религия играла значительную роль и в международных отношениях в Средние века. Под религиозными лозунгами велись войны, совершались крестовые походы, осваивались вновь открытые земли. Особое значение имела миссионерская деятельность, благодаря которой государства приобретали новых союзников или вовлекались в уже сложившееся сообщество, каким было, например, Византийское содружество – «наднациональная общность христианских государств, в которой Константинополь был центром, а Восточная Европа – периферийным доменом»¹.

Преследование инакомыслящих внутри государств и особенно появление и распространение реформаторских идей в христианских странах привели к серьезным конфликтам. Религиозные распри позднего Средневековья затронули большинство европейских стран. Особенно сильно в XVI в. религиозные войны потрясли Германию. Противостоянию католических и протестантских княжеств положил конец Аугсбургский религиозный мир. В соответствии с заключенным 25 сентября 1555 г. соглашением, «чтобы установить мир в Священной империи германской нации между римским императорским величеством и курфюрстами, князьями и чинами, – пусть ни его императорское величество, ни курфюрсты, князья и т. д. не чинят никакого чину империи никакого насилия или зла по поводу аугсбургского исповедания, но предоставят им в мире придерживаться своих религиозных убеждений, литургии и обрядов, равно как пользоваться и своим состоянием и другими правами и привилегиями; и полный религиозный мир должен быть достигнут только христианскими средствами согласия или же страхом наказания в форме имперской опалы. Равным образом имперские чины, придерживающиеся аугсбургского исповедания, не будут мешать всем чинам и князьям, придерживающимся старой религии, жить в полном мире и пользоваться всеми их состояниями, правами и привилегиями. Однако все, не принадлежащие к двум вышеупомянутым вероисповеданиям, не будут включены в настоящий трактат, но будут совершенно исключены из него»². Учитывая, что четких критериев аугсбургского вероисповедания обозначено не было, представители имперских сословий получили фактическую свободу вероисповедания. Но «никакой имперский чин не должен пытаться убеждать подданных других чинов оставить свою религию или защищать их против их собственных властей»³. Иными словами, подданные имперских князей и рыцарей не могли изменить религию, а должны были исповедовать ту же самую, что и сеньор. Таким образом, фактически установился принцип «Чья власть, того и вера» (*cuius regio, eius religio*).

Тяжелые религиозные потрясения испытала в конце XVI в. и Франция. В основном они прекратились после издания Нантского эдикта от 13 апреля 1598 г. Главное его отличие от Аугсбургского религиозного мира в том, что он касался не отдельных кня-

¹ Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 11.

² Хрестоматия по истории средних веков / под ред. И. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. М., 1950. Т. 3. С. 118–119.

³ Там же.

жеств, а отдельных лиц. В частности, Генрих IV провозглашал: «Чтобы не дать никакого повода к смутам и распрям среди наших подданных, мы позволили и позволяем исповедующим так называемую реформированную религию жить и обитать во всех городах и местах нашего королевства и подчиненных нам областях без преследований, притеснений и принуждений делать что-либо в деле религии противное их совести; их не будут по этому поводу разыскивать в домах и местах, где они пожелают жить... все, кто исповедует или будет исповедовать так называемую реформированную религию, имеют право занимать и исправлять все общественные должности – королевские, сеньориальные или городские в нашем королевстве и подвластных нам провинциях, землях и сеньориях, несмотря на все противоречащие сему клятвы, и могут быть принимаемы и допускаемы к нам без различия»¹.

В июле 1643 г. была издана декларация, в которой протестантам предоставлялось свободное и неограниченное исповедание их религии, и Нантский эдикт утверждался, «насколько это оказывалось нужным». Еще 21 мая 1652 г. Людовик XIV заявлял: «Я желаю, чтобы гугеноты не переставали вполне пользоваться Нантским эдиктом»; тем не менее с 1661 г. начались религиозные гонения. А 17 октября 1685 г. Людовик XIV отменил действие Нантского эдикта, объяснив это тем, что поскольку «самая лучшая и самая многочисленная часть подданных перешла в католичество, то Нантский эдикт оказывается лишним... Мы запрещаем допускать что-либо, сколько-нибудь похожее на уступку в пользу реформатской религии»². Однако значение этого эдикта велико: он обеспечил защиту государством свободы вероисповедания конкретного человека, точнее – гарантию его непреследования за свои религиозные убеждения.

Эта тенденция постепенно набирала обороты, что связано, на наш взгляд, не только с увеличением разнообразия религиозных течений, но и с геополитическим фактором, а именно с появлением мест, где можно было скрыться от преследований за веру. Одним из таких регионов была Северная Америка. Английские колонии (будущие штаты) стали первыми, кто законодательно закрепил принцип свободы вероисповедания. Король Англии Карл II 8 июля 1663 г. предоставил североамериканской колонии Род-Айленд хартию, в которой провозгласил, что «никто в этой колонии никогда впредь не будет беспокоим, наказан, потревожен или допрошен из-за различий по вопросам религии», но «все и каждый могут впредь свободно и в полной мере наслаждаться своими собственными суждениями и убеждениями в религиозных делах»³. Примечательно, что одной из причин принятия этой хартии король назвал удаленное расположение колонии, что позволяло не нарушать единство в стране.

Тем не менее и после подписания Декларации независимости 1776 г. в большинстве принятых конституций штатов и в так называемых декларациях прав (*declarations of rights*) провозглашалась свобода вероисповедания; эти нормы формулировались по-разному, но предполагали строгое соблюдение. Так, в ст. XVI Конституции Виргинии сказано: «Религия или долг перед нашим Творцом и способ его выполнения могут быть направлены только разумом и убеждением, а не силой или насилием; и потому все люди имеют равное право на свободное осуществление религии по велению совести; и взаимный долг всех – проявлять христианское терпение, любовь и милосердие друг к другу»⁴. В соответствии со ст. 2 Билля о правах Пенсильвании не допускалось лишать гражданских прав из-за религиозных убеждений и наделять какой-либо властью тех, кто нарушает право на свободное исполнение религиозных обрядов⁵. В ст. XXXIII Конституции Мэриленда было сказано, что «все люди, исповедующие христианскую религию, имеют равное право на защиту своей религиозной свободы, а потому никто не должен по какому-либо закону подвергаться посягательству на жизнь или собственность из-за своих религиозных убеждений, профессии или религиоз-

¹ Хрестоматия по истории средних веков. С. 173–174.

² Эдикт Нантский // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. Т. XL. С. 167–168.

³ Charter of Rhode Island and Providence Plantations, July 8, 1663. URL: <https://lonang.com/library/organic/1663-cri/> (дата обращения: 11.06.2019).

⁴ Constitution of Virginia, June 12, 1776. URL: <https://lonang.com/library/organic/1776-vdr/> (дата обращения: 10.06.2019).

⁵ Constitution of Pennsylvania, August 16, 1776. URL: <https://lonang.com/library/organic/1776-pdr/> (дата обращения: 11.06.2019).

ной практики¹. Принцип религиозного равенства провозглашен и в ст. III Декларации прав Дэлавера: «Все лица, исповедующие христианскую религию, должны всегда пользоваться равными правами и привилегиями в этом государстве, если только под видом религии кто-либо не нарушает мир, счастье или безопасность общества»². Кратко, но емко сформулирована ст. XIX Конституции Северной Каролины: «У всех людей есть естественное и неотъемлемое право поклоняться Всемогущему Богу в соответствии с велениями своей совести»³. То же самое закреплялось в Конституции штата Вермонт 1777 г.⁴ и Конституции Массачусетса 1780 г.⁵

В тексте Конституции США 1787 г. свобода вероисповедания не упоминается, но в ст. VI говорится, что «никакая проверка религиозности не должна требоваться в качестве условия для занятия какой-либо должности или официального поста на службе Соединенных Штатов», что предусматривает наличие различных религиозных убеждений. Первая же поправка к Конституции США, ратифицированная в 1791 г., гласит: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению какой-либо религии или запрещающего свободное исповедание оной»⁶.

Американская революция и принятие Конституции, где закреплялись права человека, в какой-то степени послужили стимулом к тому, что в странах, где позднее происходили буржуазные революции и секуляризация власти, в конституционных документах провозглашалась свобода вероисповедания. Так, во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., ставшей преамбулой к действовавшей (хоть и недолго) Конституции 1791 г., говорилось, что «никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом»⁷; а среди основных положений, обеспеченных Конституцией 1791 г., называлась «свобода каждого отправлять обряды того вероисповедания, к которому он принадлежит»⁸. Согласно ст. 354 Конституции 1795 г. (действовавшей до 1799 г.) «никому не может быть воспрепятствовано исповедание избранного им культа»⁹. В ст. 5 Конституционной хартии 1814 г. сказано, что во Франции «каждый исповедует с равной свободой свою религию и пользуется одинаковой охраной в отношении своего вероисповедания», хотя государственной религией объявлялся католицизм¹⁰. Особенность Нового времени как раз состояла в том, что при наличии государственной религии человеку не запрещалось придерживаться другого вероисповедания и он за это не подвергался преследованию.

Революционное движение в XIX в. привело к появлению конституционных документов во многих государствах, и в большинстве из них провозглашалась свобода вероисповедания. В ст. 12 Конституционной хартии Прусского государства 1850 г. закреплялось, что «свобода религии, образования религиозных обществ и домашнего или публичного отправления религиозных церемоний неприкосновенна. Пользование гражданскими и гражданско-политическими правами независимо от вероисповедания»¹¹. В ст. 19 Конституции Бельгии 1831 г. сказано, что свобода культов, их публичное отправление, а также свобода выражать свое мнение любым способом гарантированы за исключением преследования за правонарушения, совершенные при пользовании этими свободами¹².

¹ Constitution of Maryland, November 3, 1776. URL: <https://lonang.com/library/organic/1776-mdr/> (дата обращения: 11.06.2019).

² Delaware Declaration of Rights, September 11, 1776. URL: <https://lonang.com/library/organic/1776-ddr/> (дата обращения: 11.06.2019).

³ Constitution of North Carolina, December 14, 1776. URL: <https://lonang.com/library/organic/1776-ncr/> (дата обращения: 11.06.2019).

⁴ Constitution of Vermont, July 8, 1777. URL: <https://lonang.com/library/organic/1777-vdr/> (дата обращения: 11.06.2019).

⁵ Constitution of Massachussets, October, 25 1780. URL: <https://lonang.com/library/organic/1780-mdr/> (дата обращения: 11.06.2019).

⁶ Конституции зарубежных стран / сост. В. Н. Дубровин. М., 2001. С. 249.

⁷ Документы истории Великой французской революции: учеб. пособие. М., 1990. Т. 1. С. 113.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ Там же. С. 347.

¹⁰ Тексты важнейших основных законов иностранных государств. М., 1905. Ч. 1. С. 76.

¹¹ Собрание конституционных актов. М., 1905. Вып. 1. С. 48.

¹² URL: <http://textarchive.ru/c-2445975.html> (дата обращения: 11.06.2019).

В начале XX в. (17 апреля 1905 г.) в Российской империи Николай II подписал имен- ной высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости», который предписывал «признать, что отпадение от Православной веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-ли- бо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий»¹. Статья 39 Основных государственных законов Российской империи, высочайше утвержденных 23 апреля 1906 г., провозглашала, что «российские подданные пользуются свободой веры. Условия пользования этою свободой определяются законом»².

Таким образом, в конституционном законодательстве Нового времени свобода ве- роисповедания была закреплена большинством государств в качестве одной из ос- новных личных свобод граждан. Эта тенденция сохранилась в последующем³.

Что касается международного права – межгосударственного регулирования свобо- ды вероисповедания, то Вестфальский мирный договор 1648 г., с которого ведет отсчет современная система международного права, затрагивал этот вопрос непосредствен- но. Так, в Императорско-Шведском, или Оснабрюкском, мирном договоре предусмо- трено, что если духовное лицо пожелает сменить религию, оно лишится привилегий, но «без лишения чести и доброго имени»; также «никто не будет подвергаться презре- нию по поводу религии, но в том и другом случае [и католики, и протестанты] будут иметь равные права»; «эмигрирующим по религиозным поводам будет предоставлено полное распоряжение их имуществом»; наконец, «протестантам предоставляются от- носительно вероисповедания и другие права, одинаковые с правами других чинов и подданных»⁴. Несмотря на то что, как предписывалось в договоре, кроме католическо- го и протестантского вероисповеданий «никакие другие не будут приняты или терпи- мы в священной Римской империи»⁵, очевидно обозначилась тенденция к обеспече- нию *личной* свободы вероисповедания.

В XX в. гарантия свободы вероисповедания закреплялась в межгосударственных соглашениях и упоминалась в документах, имеющих международную значимость. Кос- венное подтверждение того, что принцип свободы вероисповедания стал само собой разумеющимся для развитых стран, прослеживается в ст. 22 Устава Лиги Наций, кото- рая предлагает «передовым странам» взять контроль над некоторыми территориями (например, Центральной Африки) на условиях, которые будут гарантировать «свободу совести и религии без иных ограничений, кроме тех, которые может наложить сохра- нение публичного порядка и добрых нравов»⁶.

Свобода вероисповедания и ее гарантии в настоящее время предусмотрены как в международном, так и в региональном законодательстве, касающемся прав человека.

В Уставе Организации Объединенных Наций (преемницы Лиги Наций), подписан- ном 26 июня и вступившем в силу 24 октября 1945 г., одной из целей создания орга- низации обозначено «поощрение и развитие уважения к правам человека и основ- ным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (ст. 1, 55). А ст. 18 принятой 10 декабря 1948 г. Всеобщей декларации прав человека провозглашает, что «каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право вклю- чает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуаль- ных обрядов».

Развернутая формулировка содержится в ст. 18 Международного пакта о граждан- ских и политических правах 1966 г.: «1. Каждый человек имеет право на свободу мыс- ли, совести и религии. Это право включает свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору и свободу исповедовать свою религию и убежде- ния как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком, в от-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1908. Т. XXV. С. 237–238.

² Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации: в 5 т. Екатеринбург, 1999. Т. 5. С. 595.

³ Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 2019. С. 71–73.

⁴ Хрестоматия по истории средних веков. С. 145.

⁵ Там же.

⁶ URL: <http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernEuUS/INTREL/SOURCES/Legnatus.htm> (дата обраще- ния: 11.06.2019).

правлении культа, выполнении религиозных и ритуальных обрядов и учении. 2. Никто не должен подвергаться принуждению, умаляющему его свободу иметь или принимать религию или убеждения по своему выбору. 3. Свобода исповедовать религию или убеждения подлежит лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья и морали, равно как и основных прав и свобод других лиц. 4. Участвующие в настоящем Пакте Государства обязуются уважать свободу родителей и в соответствующих случаях законных опекунов, обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей в соответствии со своими собственными убеждениями».

Принятый одновременно Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах обязывает государства гарантировать, «что права, провозглашенные в настоящем Пакте, будут осуществляться без какой бы то ни было дискриминации, как то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или иного обстоятельства» (ст. 2).

Усилению защиты свободы вероисповедания способствовала принятая ООН в 1981 г. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии и убеждений, в которой под дискриминацией понимается «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение, основанное на религии или убеждениях и имеющее целью или следствием уничтожение или умаление признания, пользования или осуществления на основе равенства прав человека и основных свобод». В Декларации провозглашается, что дискриминация на основе веры и убеждений является оскорблением достоинства человеческой личности, отрицанием принципов ООН и препятствием для дружественных и мирных отношений между государствами.

Что касается региональных документов, то основные гарантии, предусматривающие защиту свободы мысли, совести и религии, содержатся в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (ЕКПЧ). Статья 9 предусматривает, что «каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения и свободу исповедовать свою религию или убеждения как индивидуально, так и сообща с другими, публичным или частным порядком в богослужении, обучении, отправлении религиозных и культовых обрядов»; «свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит лишь тем ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц». Кроме того, в ст. 2 Протокола 1 к ЕКПЧ в контексте права на образование указывается, что «государство при осуществлении любых функций, которые оно принимает на себя в области образования и обучения, уважает право родителей обеспечивать такое образование и обучение, которые соответствуют их религиозным и философским убеждениям»¹.

Статья 12 Американской конвенции о правах человека, принятой Межамериканской конференцией по правам человека 22 ноября 1969 г. и вступившей в силу 18 июля 1978 г., почти дословно повторяет положения ЕКПЧ: «1. Каждый человек имеет право на свободу совести и религии. Это право включает свободу придерживаться своей религии и убеждений и менять их, а также свободу исповедовать или распространять свою религию или убеждения как единолично, так и сообща с другими, публичным или частным порядком. 2. Никто не подлежит применению ограничений, которые могут умалять его свободу придерживаться своей религии или убеждений или менять их. 3. Свобода открыто исповедовать религию или убеждения может подлежать лишь ограничениям, установленным законом и необходимым для охраны общественной безопасности, порядка, здоровья или морали, равно как и прав и свобод других лиц. 4. Родители и в соответствующих случаях опекуны имеют право обеспечивать религиозное и нравственное воспитание своих детей или подопечных сообразно со своими собственными убеждениями».

¹ Мердок Дж. Защита права на свободу мысли, совести и религии в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Воронеж, 2014. С. 12–15.

Статья 8 Африканской хартии прав человека и народов, принятой на встрече глав государств-членов Организации Африканского единства 26 июня 1981 г. и вступившей в силу 21 октября 1986 г., гарантирует «свободу совести, выбора профессии и свободное отправление религиозных обрядов. При условии соблюдения правопорядка никто не может подвергаться мерам, ограничивающим осуществление этих свобод».

Статья 10 Конвенции Содружества независимых государств о правах и основных свободах человека 1995 г. также повторяет текст ЕКПЧ.

Схожие положения закреплены в ст. 30 Арабской хартии прав человека, принятой Лигой арабских государств в 2004 г.: «1. Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии, которое может подвергаться только таким ограничениям, которые предписаны законом. 2. Свобода выражать, исповедовать религию или верования или выполнять обряды лично или в сообществе с другими может подвергаться только таким ограничениям, которые предписаны законом и необходимы в толерантном обществе, уважающем свободы и права человека, для защиты общественной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности или основных прав и свобод других лиц. 3. Родителям и законным представителям гарантируется свобода обеспечения религиозного и нравственного воспитания их детей»¹.

Приведенные документы действуют в демократических странах, в большинстве из которых существует религиозный плюрализм.

Особого внимания заслуживает Всеобщая исламская декларация прав человека, принятая 19 сентября 1981 г. по инициативе Исламского совета Европы. В ее ст. 12 сказано, что «никто не имеет права относиться с презрением или иронией к религиозным воззрениям других лиц либо разжигать общественную враждебность в их отношении. Уважение религиозных чувств других верующих является обязанностью каждого мусульманина». Статья 13 фактически провозглашает свободу вероисповедания: «Каждый имеет право на свободу совести и совершение религиозных обрядов в соответствии со своими религиозными убеждениями»².

Таким образом, на протяжении всего исторического периода происходила следующая трансформация нормативного закрепления свободы вероисповедания: 1) человек должен исповедовать религию места, где проживает, и отправлять культ своих богов; 2) государство взаимодействует с одной из религий и начинает преследовать человека за религиозные убеждения, если они отличаются от государственных; 3) другие государства при взаимодействии вынуждены признавать религии друг друга; 4) человек не наказывается за свои убеждения, если не придерживается официального культа; 5) государства защищают личные религиозные взгляды человека на международном уровне; 6) государство признает и защищает свободу вероисповедания на национальном уровне, имплементируя нормы международного права; 7) международное сообщество контролирует реализацию свободы вероисповедания. В международно-правовых документах эта свобода является неоспариваемой нормой, и в этом качестве она имплементирована в конституционное законодательство большинства демократических государств³, включая те, где существует государственная религия.

Список литературы

Договоры Руси с Византией: учеб.-метод. пособие / под ред. М. В. Федорова. М., 2012.

Документы истории Великой французской революции: учеб. пособие. М., 1990. Т. 1.

Ковлер А. И. Антропология права: учеб. для вузов. М., 2002.

Конституции зарубежных стран / сост. В. Н. Дубровин. М., 2001.

Мердок Дж. Защита права на свободу мысли, совести и религии в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. Воронеж, 2014.

¹ Arab Charter on Human Rights 2004 / transl. by M. Amin Al-Midani and M. Cabanettes, rev. by S. M. Akram // Boston University Law Journal. 2006. Vol. 24. URL: http://www.eods.eu/library/LAS_Arab%20Charter%20on%20Human%20Rights_2004_EN.pdf (дата обращения: 11.06.2019).

² Ковлер А. И. Антропология права: учеб. для вузов. М., 2002. С. 240–241; Права человека в исламе // CA&C Press AB. URL: https://ca-c.org/journal/08-1997/st_21_pravaisl.shtml (дата обращения: 11.06.2019).

³ Согласно ст. 28 Конституции РФ каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

- Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998.
Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1908. Т. XXV.
Права человека в исламе // CA&C Press AB. URL: https://ca-c.org/journal/08-1997/st_21_pravaisl.shtml (дата обращения: 11.06.2019).
Сборник нормативных актов по конституционному праву Российской Федерации: в 5 т. Екатеринбург, 1999. Т. 5.
Собрание конституционных актов. М., 1905. Вып. 1.
Тексты важнейших основных законов иностранных государств. М., 1905. Ч. 1.
Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980. Ч. 1.
Хрестоматия по истории средних веков / под ред. И. П. Грацианского, С. Д. Сказкина. М., 1950. Т. 3.
Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. М., 2019.
Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1904. Т. XL.
Arab Charter on Human Rights 2004 / transl. by M. Amin Al-Midani and M. Cabanettes, rev. by S. M. Akram // Boston University Law Journal. 2006. Vol. 24. URL: http://www.eods.eu/library/LAS_Arab%20Charter%20on%20Human%20Rights_2004_EN.pdf (дата обращения: 11.06.2019).

References

- Arab Charter on Human Rights 2004 / transl. by M. Amin Al-Midani and M. Cabanettes, rev. by S. M. Akram // Boston University Law Journal. 2006. Vol. 24. URL: http://www.eods.eu/library/LAS_Arab%20Charter%20on%20Human%20Rights_2004_EN.pdf (дата обращения: 11.06.2019).
Chirkin V. E. Konstitutsionnoe pravo zarubezhnykh stran. M., 2019.
Dogovory Rusi s Vizantie: ucheb.-metod. posobie / pod red. M. V. Fedorova. M., 2012.
Dokumenty istorii Velikoi frantsuzskoi revolyutsii: ucheb. posobie. M., 1990. Т. 1.
Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. SPb., 1904. Т. XL.
Khrestomatiya po istorii Drevnego Vostoka. M., 1980. Ch. 1.
Khrestomatiya po istorii srednikh vekov / pod red. I. P. Gratsianskogo, S. D. Skazkina. M., 1950. Т. 3.
Konstitutsii zarubezhnykh stran / sost. V. N. Dubrovin. M., 2001.
Kovler A. I. Antropologiya prava: ucheb. dlya vuzov. M., 2002.
Merdok Dzh. Zashchita prava na svobodu mysli, sovesti i religii v ramkakh Evropeiskoi konventsii o zashchite prav cheloveka. Voronezh, 2014.
Obolenskii D. Vizantiiskoe sodruzhestvo natsii. Shest' vizantiiskikh portretov. M., 1998.
Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 3. SPb., 1908. Т. XXV.
Prava cheloveka v islame // CA&C Press AB. URL: https://ca-c.org/journal/08-1997/st_21_pravaisl.shtml (data obrashcheniya: 11.06.2019).
Sbornik normativnykh aktov po konstitutsionnomu pravu Rossiiskoi Federatsii: v 5 t. Ekaterinburg, 1999. Т. 5.
Sobranie konstitutsionnykh aktov. M., 1905. Vyp. 1.
Teksty vazhneishikh osnovnykh zakonov inostrannykh gosudarstv. M., 1905. Ch. 1.

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ОБЩИХ ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО ПРАВА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Сабитов Тимур Рашидович

Доцент кафедры уголовного права Уральского государственного
юридического университета (Екатеринбург), доктор юридических наук, доцент,
e-mail: trsabitov@yandex.ru

В статье автор выясняет, как преломляются в уголовном праве общие принципы российского права, сформулированные на основе конституционных требований и положений правовой доктрины. Рассматриваются общеправовые принципы законности, равенства, социальной справедливости, уважения прав человека, единства прав и обязанностей, сочетания убеждения, принуждения и поощрения в праве. Кроме того, среди принципов юридической ответственности выделяются принципы неотвратимости ответственности, своевременности, целесообразности, индивидуализации, ответственности за виновно совершенное деяние, недопустимости двойной ответственности. Автор приходит к выводу, что общие принципы российского права, включая принципы юридической ответственности, оказали и оказывают серьезное влияние на формирование системы уголовно-правовых принципов. Большинство из них получило развитие в науке уголовного права с учетом отраслевой специфики. Вместе с тем сопоставление общеправовых и уголовно-правовых принципов позволяет усомниться в завершенности формирования системы последних. Необходимы постоянный учет достижений правовой теории в уголовном праве и в определенных случаях корректировка соответствующих юридических конструкций. Вместе с тем теория общих принципов российского права, особенно принципов юридической ответственности, имеет некоторые недостатки и противоречия. И в этой части она не только не способствует развитию и систематизации теории уголовно-правовых принципов, но и становится зависимой от научных наработок последней.

Ключевые слова: общие принципы права, принципы уголовного права, принципы юридической ответственности, система права, правовая доктрина

REFRACTION OF THE GENERAL PRINCIPLES OF RUSSIAN LAW IN CRIMINAL LAW

Sabitov Timur

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences,
e-mail: trsabitov@yandex.ru

In the article, the author finds out how the general principles of Russian law, formulated on the basis of constitutional requirements and provisions of the legal doctrine, are refracted in criminal law. The general legal principles of legality, equality, social justice, respect for human rights, unity of rights and duties, a combination of persuasion, coercion and promotion in law are considered. In addition, among the principles of legal liability, the principles of inevitability of responsibility, timeliness, expediency, individualization, responsibility for a guilty act, and the inadmissibility of double responsibility are investigated. The author concludes that the general principles of Russian law, including the principles of legal liability, have had and are having a serious impact on the formation of a system of criminal law principles. Most of them have developed in the science of criminal law, taking into account branch specifics. At the same time, a comparison of general legal and criminal law principles raises doubts about the completeness of the system of the latter. It is necessary to constantly take into account the achievements of legal theory in criminal law and, in certain cases, adjust the relevant legal structures. However, one cannot fail to note the fact that the theory of the general

principles of Russian law, and especially the principles of legal responsibility, has some drawbacks and contradictions. And in this part, it does not contribute to the growth and systematization of the theory of criminal law principles, but also becomes dependent on the scientific achievements of the latter.

Key words: general principles of law, principles of criminal law, principles of legal liability, system of law, legal doctrine

Стройность и эффективность системы права обеспечивается не только за счет согласованности правовых норм и принципов внутри отрасли права. Важно также добиться соответствия и тех и других общим правовым принципам, выработанным в теории права. Ведь при отсутствии отрасли, которая могла бы охватить все принципы российского права, именно общие принципы оказывают объединяющее воздействие на совокупность специфических правовых идей различной отраслевой направленности.

С одной стороны, основным источником тех положений, на основе которых формулируются общеправовые принципы российского права, является Конституция РФ. С другой стороны, общие принципы российского права разрабатываются отечественной правовой доктриной.

Однако проблема состоит в том, что не все конституционные положения, а также доктринальные правовые идеи можно в неизменном виде перенести в правовые отрасли. Такие положения и идеи необходимо подстраивать под отраслевую специфику, но для некоторых отраслей права это сделать довольно сложно. Во-первых, сама отрасль конституционного права не является «суммой всех отраслей права» и имеет свою самобытность. Во-вторых, доктринальные принципы российского права могут возникать из идей, сформулированных в конкретной правовой отрасли. В обоих случаях такие способы формирования общих правовых принципов влекут трудность, а иногда и невозможность применения их в отдельно взятой отрасли права. В частности, это относится к уголовному праву, характеризующемуся репрессивностью, императивностью, преобладанием норм-запретов.

Теоретико-правовая наука к общим принципам права, как правило, относит законность, равенство, социальную справедливость, уважение прав человека, единство прав и обязанностей, сочетание убеждения, принуждения и поощрения в праве. Рассмотрим данные принципы подробнее.

Основополагающее значение для организации государственной и общественной жизни имеет принцип законности. Как писал С. С. Алексеев, «понятие „законность“ характеризует правовую действительность, взятую под углом зрения практического осуществления права, идейно-политических основ правовой системы, ее связи с основополагающими общественно-политическими институтами, с политическим режимом данного общества»¹. Данный принцип обладает всеобъемлющим характером, несет в себе фундаментальную идею правового государства и демократии – когда «право выступает как реальная регулирующая сила, обеспечивающая верховенство закона, равенство всех перед законом, строгое соблюдение исполнение юридических норм»². Тем самым принцип законности закладывает фундамент российского конституционного строя.

В Конституции РФ (ст. 15) принцип законности включает в себя несколько взаимосвязанных положений: о высшей юридической силе Конституции РФ (ч. 1); об обязательности соблюдения Основного закона РФ всеми лицами (ч. 2); о необходимости официального опубликования законов (ч. 3); о признании общепризнанных принципов и норм международного права, а также международных договоров Российской Федерации составной частью ее правовой системы (ч. 4).

Некоторые криминалисты относят законность к «конституционным» принципам уголовного права³. Однако из приведенных выше положений Конституции РФ не совсем ясно, какие именно установления и в какой мере имеют отношение к отрасли уголов-

¹ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 217.

² Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010. С. 106.

³ См., например: Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М., 2002. С. 78–85.

ного права. Принцип законности, провозглашенный в ст. 3 УК РФ, формально имеет мало общего с перечисленными в ст. 15 Конституции РФ положениями. Статья 3 УК РФ гласит: «1. Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. 2. Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Однако среди конституционных требований законности, пожалуй, наиболее близко к уголовному праву то, которое закреплено в ч. 2 ст. 15 Конституции РФ: «Органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию Российской Федерации и законы». Хотя и в этом случае сутью положений, установленных в ст. 3 УК РФ, не является требование об обязательном соблюдении норм УК РФ. И, на наш взгляд, такое требование ни в УК РФ, ни в доктринальное понятие принципа законности включать не следует. Можно согласиться с В. В. Мальцевым в том, что «соблюдение законов гражданами находится за рамками содержания предмета уголовного права, это сфера правомерного поведения, потому оно прямого отношения к законности как принципу Уголовного кодекса не имеет»¹.

В теории права преобладает точка зрения, в соответствии с которой равенство является самостоятельной правовой идеей, объединяя в себе *принцип равноправия* и *принцип равенства всех перед законом и судом*. При этом данные принципы одни ученые отождествляют², а другие разводят³. Так, Г. Н. Комкова считает, что равенство перед законом и судом, являясь одним из важнейших принципов правовой государственности, включает в себя равенство прав и свобод, равенство обязанностей, равенство ответственности перед законом, а также равенство перед судом, т. е. «беспрепятственный доступ к правосудию вне зависимости от социального и имущественного положения»⁴. Аналогичной точки зрения придерживался Н. В. Витрук, понимая под равноправием «равенство прав и свобод человека и гражданина»⁵.

Сопоставляя позиции ученых относительно принципа равноправия и принципа равенства всех перед законом и судом с нормами ст. 19 Конституции РФ, можно отметить, что второй подход в большей степени соответствует Основному закону, так как указанная статья гласит: «1. Все равны перед законом и судом. 2. Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. 3. Мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Следовательно, в рассматриваемой статье Конституции РФ речь идет не только о равенстве перед законом, но и о равноправии.

Можно сделать вывод, что в ст. 4 УК РФ по сравнению с конституционными положениями значительно сужен круг субъектов, на которых распространяется действие этого принципа. Согласно заголовку к статье таковыми являются граждане, хотя в Конституции РФ говорится о равенстве всех лиц, а не только граждан какого-либо государства. Несоответствие заголовка ст. 4 УК действительному смыслу уголовно-правового принципа равенства, кроме того, ведет к нарушению принципа законности, согласно которому применение уголовного закона по аналогии запрещено (ч. 2 ст. 3 УК). С одной стороны, конституционное требование о равенстве всех перед законом, которое имеет прямое действие, следует распространять не только на граждан, но и на лиц без гражданства и иностранных граждан. С другой стороны, нормы, закрепляющей принцип равенства указанных лиц перед законом, в УК нет. Поэтому чтобы реализовать данное конституционное положение, ничего не остается, кроме как применять

¹ Мальцев В. В. Принцип законности в уголовном кодексе Российской Федерации // Уголовное право. 2003. № 1. С. 37.

² Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учеб. пособие для вузов. М., 1993. С. 165.

³ Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов, 2002. С. 34–35; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 151; Фарбер И. Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974. С. 72.

⁴ Комкова Г. Н. Равенство перед законом и судом // Права человека: энциклопед. слов. / отв. ред. С. С. Алексеев. М., 2016. С. 174.

⁵ Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности: моногр. М., 2017. С. 93.

эту статью ко всем категориям лиц, по сути, по аналогии¹. Однако этого, в соответствии с ч. 2 ст. 3 УК РФ, делать нельзя. Таким образом, создается «замкнутый круг», выйти из которого можно только путем исключения из названия статьи слова «граждане».

Критическое замечание в адрес ст. 4 УК РФ сделала Н. Ф. Кузнецова: «Заголовок распространяет принцип равенства на граждан. В тексте же говорится только о лицах, совершивших преступление. Все участники уголовно-правовых отношений – лица, совершившие преступление, потерпевшие, лица, исполняющие и применяющие законы, – обязаны следовать принципу равенства граждан перед законом»². Таким образом, ст. 4 УК уравнивает перед законом лишь граждан, причем не всех, а только тех, которые совершили общественно опасные деяния и попали в сферу действия уголовного закона. Однако в уголовно-правовой охране интересов других лиц, например потерпевших, также не должно быть дискриминации.

Бросается в глаза и еще одно отличие ст. 4 УК от конституционных положений – в ней говорится о равенстве перед законом, в то время как в ч. 1 ст. 19 Конституции РФ речь идет о равенстве перед законом и судом. Однако, как представляется, следует согласиться с И. Э. Звечаровским в том, что данное различие не является недостатком уголовно-правовой формулировки рассматриваемого принципа, так как уголовное право регулирует материально-правовые, а не процессуальные отношения³.

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что уголовно-правовой принцип равенства граждан перед законом сформулирован неудачно.

В юридической литературе можно встретить мнение, согласно которому справедливость включает в себя также требование равенства. В частности, такой позиции придерживается А. Т. Боннер, выделяя в нем как уравнивающий, так и распределяющий аспекты⁴. В УК РФ принцип справедливости сформулирован в отдельной статье, что в связи со спецификой уголовного права абсолютно оправданно. В ст. 6 УК РФ говорится не об уравнивающей, как в случае с принципом равенства, а о распределяющей функции принципа справедливости, поскольку в ч. 1 данной статьи речь идет о соответствии наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Говоря о принципе социальной справедливости, упоминаемом в теории права, следует отметить, что единого подхода к пониманию содержания данного принципа не сложилось. Наименее распространенной является точка зрения, основанная на этимологической трактовке понятия «справедливость» (лат. *iustitia*, от *ius* – «право»). Суть такого подхода заключается в том, что понятие «справедливость» распространяется абсолютно на все правовые институты, а право фактически отождествляется со справедливостью⁵. Как писал В. С. Нерсисянц, «право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права»⁶.

Большинство ученых в области теории права придерживаются иной точки зрения, согласно которой принцип социальной справедливости понимается как принцип должного соотношения целей и средств, прав и обязанностей⁷, деяния и воздаяния, заслуженного поведения и поощрения⁸, преступления и наказания⁹. В последнем случае принцип справедливости рассматривается как разновидность принципа юридической ответственности, который состоит в назначении меры ответственности, соответствующей совершенному деянию. В обоих случаях данный принцип трактуется схоже – как принцип соразмерности между поведением и его результатами, что и отражено в ч. 1 ст. 6 УК РФ.

¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. А. И. Рапога. М., 2001. С. 37.

² Курс уголовного права. Общая часть: учеб. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999. С. 70–71.

³ Звечаровский И. Э. Указ. соч. С. 49–50.

⁴ Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992. С. 16.

⁵ Нерсисянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. М., 2004. С. 28; Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993. С. 115–119; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. С. 150.

⁶ Нерсисянц В. С. Указ. соч. С. 28.

⁷ Мартыянов В. С. Справедливость: философско-правовой аспект // Права человека. С. 234.

⁸ Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2006. С. 322.

⁹ См., например: Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2000. С. 319.

Принцип уважения прав человека, являясь одним из важнейших условий эффективности правового регулирования, вытекает из положений ст. 2 Конституции РФ («Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства») во взаимосвязи с положениями ст. 18 («Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием»). Сущность этого принципа «заключается в признании, закреплении в нормативных источниках, охране и защите всей совокупности прав, свобод и законных интересов каждого человека», а также в том, что «отношение органов власти и должностных лиц к правам и свободам человека и гражданина строится на уважении достоинства личности»¹. Данное утверждение, по мнению ученых, справедливо и для *принципа гуманизма*². В частности, А. С. Пиголкин писал, что рассматриваемый принцип означает следующее: «Конституция и законы должны закреплять, обеспечивать и охранять права и свободы человека и гражданина, запрещать различные деяния, посягающие на человеческое достоинство»³. Это позволяет сделать вывод: данные принципы суть одно и то же.

Названная идея получила реализацию в ч. 2 ст. 7 УК РФ, где говорится о том, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Об уважении прав на безопасность право-послушных членов общества речь идет в ч. 1 ст. 7 УК РФ: «Уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека».

Принцип единства прав и обязанностей предполагает «не только формальное провозглашение прав и свобод граждан, но и возложение обязанностей на определенных субъектов (государство, других граждан) обеспечивать эти права и свободы. Нет обязанностей без прав, а прав без обязанностей – главное требование этого принципа, иначе провозглашенное право будет пустым звуком, фикцией»⁴. Вместе с тем в уголовном праве этот принцип⁵ специально не выделяется, хотя и отчасти распространяется на данную сферу правового регулирования.

Принцип сочетания убеждения, принуждения и поощрения в праве представляет собой способ обеспечения правомерного поведения и предотвращения нарушения требований норм права и заключается в установлении разумного сочетания этих методов при осуществлении правового регулирования. Первостепенная роль в государственном управлении, безусловно, отводится именно убеждению. Принуждение, напротив, является вспомогательным методом и используется лишь в тех случаях, когда метод убеждения не дал должных результатов⁶.

Вместе с тем данный принцип в уголовном праве будет проявляться иначе, так как большая часть уголовно-правовых норм включает в себя запреты и меры принуждения за их нарушение, преимущественно – наказание. «Уголовное наказание – наиболее строгая мера государственного принуждения, применяемая только в случаях причинения существенного вреда правоохраняемым интересам»⁷. Причиной тому служат особенности метода уголовного права как «карательной отрасли права», так как ни одна другая отрасль права не предусматривает столь строгих последствий нарушения запретов. В связи с этим в уголовном праве рассматриваемая правовая идея проявляет себя как принцип экономии мер принуждения. При этом обязательным условием

¹ Мамедов М. Н. Уважение прав человека как принцип правового государства: механизм юридического обеспечения // Современное право. 2011. № 10. С. 43.

² Ведяхина К. В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001. С. 17–19; Фролов С. Е. Принципы права (вопросы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001. С. 23.

³ Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина. С. 323.

⁴ Теория государства и права: учеб. / Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. М., 2013. С. 76.

⁵ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. С. 152–153.

⁶ Теория государства и права: учеб. / под ред. П. В. Анисимова. М., 2005. С. 100; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. С. 152–153.

⁷ Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. для вузов / под общ. ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 2008. С. 6.

является установление необходимого баланса между поощрительными и охранительными уголовно-правовыми нормами. Метод убеждения в УК РФ выражается в том, что само нахождение в нем правовых запретов свидетельствует о недопустимости соответствующего вида поведения.

Ряд ученых (Н. В. Ванеева, М. Б. Мироненко, В. М. Романов, А. Ф. Черданцев, А. Н. Чураков и др.)¹ выделяют в качестве самостоятельной группы принципы юридической ответственности. Аналогичной точки зрения придерживался Н. В. Витрук, который под ними предлагал понимать «основополагающие идеи (начала), которые определяют природу юридической ответственности, ее суть, содержание и назначение, механизм действия... отражают глубинные, устойчивые, закономерные связи, с помощью которых юридическая ответственность действует как самостоятельное явление (компонент) в праве и правовой системе в целом»². Так как категория «юридическая ответственность» неразрывно связана с совершением правонарушения, обособление принципов юридической ответственности представляется оправданным.

Вместе с тем единого подхода к пониманию содержания принципов юридической ответственности не сложилось. Кроме того, нет единого понимания количества данных принципов. Иногда к принципам юридической ответственности относят какие-либо из общеправовых принципов российского права (например, принцип законности). И наоборот, отдельные принципы юридической ответственности учеными включаются в число общеправовых (например, принцип ответственности за вину).

Остановимся подробнее на тех принципах юридической ответственности, которые имеют прямое отношение к уголовному праву.

Принцип неотвратимости ответственности «состоит в требовании обеспечить обязательную справедливую реакцию (уголовно-правовое воздействие) государства на каждый акт совершения преступления»³. Отсутствие каких-либо мер уголовно-правового воздействия за совершение правонарушения негативно сказывается на состоянии правопорядка, способствует развитию правового нигилизма и пренебрежительного отношения к праву и закону, распространению уверенности населения в последующей безнаказанности лица, совершившего неправомерное деяние⁴.

Раскрывая содержание данного принципа, некоторые ученые в области теории права отмечают возможность исключений из него⁵.

Кроме того, в юридической литературе указывается на «необходимость быстрого и оперативного применения мер ответственности за совершение правонарушения»⁶. Такая точка зрения послужила основанием для выделения еще одного принципа юридической ответственности – *принципа своевременности привлечения к ответственности*. Для него имеет значение срок давности («период времени, не слишком отдаленный от факта правонарушения»), в течение которого возможно привлечение правонарушителя к ответственности⁷. Несколько иной точки зрения придерживался А. С. Пиголкин, ограничивая сферу применения принципа неотвратимости своевременностью наказания⁸.

По нашему мнению, своевременность не тождественна неотвратимости. Но все-таки неотвратимость применения мер ответственности должна включать в себя не только обязательность назначения этих мер, но и их скорейшее наступление. Данное

¹ См., например: Ванеева Н. В. Принципы юридической ответственности: структурно-функциональный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2005; Мироненко М. Б. Принципы юридической ответственности. Тольятти, 2001; Романов В. М. Принципы юридической ответственности и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000; Теория права и государства: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. М., 1997. С. 244–246; Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 2003. С. 439–444; Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 318–320; Чураков А. Н. Принципы юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.

² Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: моногр. М., 2017. С. 247–248.

³ Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. / под ред. В. К. Дуюнова. М., 2009. С. 15.

⁴ Теория государства и права: курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998. С. 470; Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. С. 441–442.

⁵ Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. С. 441.

⁶ Теория права и государства: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. С. 246.

⁷ Теория государства и права: курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. С. 471.

⁸ Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. М., 2001. С. 665.

требование в уголовном праве проявляется в установлении сроков давности ответственности (ст. 78 и 83 УК РФ). Наличие таких норм обусловливается ослабевающей со временем связью между преступлением и наказанием, отображаемой в сознании как самого лица, совершившего преступление, так и других членов общества.

Применительно к юридической ответственности можно выделить еще один принцип – *целесообразности*, так как виновных лиц следует привлекать к юридической ответственности только ради достижения определенных целей.

К сожалению, цели уголовной ответственности в УК РФ не сформулированы. Вместе с тем в нем приведены цели наказания, которое является основной разновидностью уголовной ответственности. Согласно ч. 2 ст. 43 УК РФ они заключаются в восстановлении социальной справедливости, исправлении осужденного и предупреждении совершения новых преступлений. Если названные цели уже достигнуты, то применение наказания теряет всякий смысл.

В свою очередь А. Ф. Черданцев описывает ситуацию, при которой может возникнуть конфликт целей: «...в конкретной ситуации для общего предупреждения целесообразен вариант максимального наказания, а для частного предупреждения достаточно и минимального или даже символического (условного) наказания»¹. Следует согласиться с ученым в том, что в подобном случае выбор делается в пользу компромиссного варианта ответственности.

По мнению А. Н. Чуракова, основной целью уголовной ответственности является предупреждение преступлений. Такая цель, как восстановление социальной справедливости, не может иметь место, потому что, во-первых, категория «социальная справедливость» находится в сфере морали и границы ее нечетки, а во-вторых, последовательная реализация этой цели может превратиться в месть². На наш взгляд, автор не учитывает, что лишение уголовной ответственности восстановительной цели также может привести к неадекватному определению судом меры уголовной ответственности. Так, назначение наказания «с запасом» не противоречит целям предупреждения преступлений и исправления осужденного, но вряд ли будет соразмерным, т. е. справедливым. Поэтому одним из ориентиров принципа целесообразности должна быть цель восстановления социальной справедливости.

В юридической литературе можно встретить позицию, согласно которой в принцип целесообразности включают также *принцип индивидуализации ответственности*. В частности, такого мнения придерживаются В. И. Гойман³ и А. С. Шабуров⁴. Представляется, что индивидуализация ответственности, подчиняясь принципу справедливости, служит назначению соразмерного наказания. Целесообразность же является самостоятельной правовой идеей, не включенной в принцип справедливости.

Содержание принципа индивидуализации ответственности подробно разработано в науке уголовного права и не включает в себя требование о личной ответственности⁵. В связи с этим следует разводить принцип индивидуализации ответственности и принцип личной ответственности, как это делают представители уголовно-правовой науки⁶. Тем не менее в теории права данные принципы не всегда дифференцируются, что приводит к фактической подмене принципа индивидуализации ответственности принципом личной ответственности. Так, А. С. Шабуров пишет, что содержание принципа индивидуализации ответственности следует понимать как «запрет „безличной“

¹ Черданцев А. Ф. Указ. соч. С. 319.

² Чураков А. Н. Указ. соч. С. 16.

³ Теория права и государства: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. С. 245.

⁴ Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. С. 442.

⁵ См., например: Кригер Г. А. Индивидуализация наказания по советскому уголовному праву // Применение наказания по советскому уголовному праву / отв. ред. В. Д. Меньшагин, Н. Д. Дурманов. М., 1958. С. 18–91; Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961; Чубарев В. Л. Индивидуализация наказания (социально-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977; Малеин Н. С. Неотвратимость и индивидуализация ответственности // Советское государство и право. 1982. № 11. С. 50–58; Велиев С. А., Савенков А. В. Индивидуализация уголовного наказания. М., 2005.

⁶ См., например: Загородников Н. И. Принципы советского социалистического уголовного права // Советское государство и право. 1966. № 5. С. 71; Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988. С. 99–107; Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. С. 54–58.

коллективной ответственности, а также переноса ответственности с виновного на другого субъекта (например, привлечение к ответственности родителей за правонарушение, совершенное подростком)¹.

Представляется, что в случае обнаружения противоречия, аналогичного описанному, приоритет следует отдавать отраслевой трактовке принципов, тем самым обогащая и развивая общетеоретические представления о них.

Принцип ответственности за виновно совершенное деяние подразумевает, что «правонарушитель подлежит юридической ответственности только за те деяния и наступившие вредные последствия, в отношении которых установлена вина в форме умысла или неосторожности»². Таким образом, привлечение к ответственности лица, совершившего правонарушение, без установления вины недопустимо. Кроме того, в случае отсутствия вины привлечение к ответственности также является недопустимым даже при наличии неблагоприятных и серьезных последствий совершенного деяния. Все названные положения нашли отражение в чч. 1 и 2 ст. 5 «Принцип вины» УК РФ.

Рассматриваемый принцип может быть дополнен также требованием, согласно которому лицо, привлекаемое к ответственности, не считается виновным, пока его вина не будет доказана в установленном законом порядке (*принцип презумпции невиновности*). Однако презумпция невиновности к уголовному праву имеет косвенное отношение, поскольку этот принцип носит в большей степени процессуальный характер.

В ч. 2 ст. 6 УК РФ закреплено, что «никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление». Такое требование основывается на конституционном запрете повторного осуждения за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ), который в свою очередь вытекает из общепризнанного принципа международного уголовного права *ne bis in idem*. Из названных положений следует *принцип недопустимости двойной ответственности*. Исключениями могут считаться совмещение гражданско-правовой и иной ответственности, применение за правонарушение нескольких видов наказания одновременно и т. п.

Вместе с тем если называть закрепленный в ч. 2 ст. 6 УК РФ принцип именно так, то получается, что возможность назначения наказания три, четыре и более раз исключается. В связи с этим наиболее верной представляется позиция ученых, которые данный принцип именуют иначе. Так, А. С. Пиголкин называл данную правовую идею принципом однократности наказания³. В связи с этим положения ч. 2 ст. 6 УК РФ следовало бы именовать принципом однократности привлечения к уголовной ответственности за одно преступление. Аналогичный подход можно увидеть в ст. 103 (абз. 3) Основного закона ФРГ: «Никто на основании общих уголовных законов не может быть неоднократно наказан за одно и то же деяние».

Названный принцип ни в коем случае нельзя сводить к принципу справедливости, как это делает, например, О. Э. Лейст⁴. Разделяя точку зрения М. Н. Марченко, отметим, что принцип однократности привлечения к уголовной ответственности за одно преступление, имеющий международные и национальные уголовно-правовые корни, следует признать самостоятельным принципом⁵.

Необходимо добавить, что в общетеоретической юридической литературе выделяются и иные принципы юридической ответственности: обоснованность, объективность, правосудие, состязательность, защита лица, привлеченного к ответственности⁶. Вместе с тем эти принципы имеют исключительно процессуальный характер, в связи с чем в рамках настоящей статьи рассматриваться не будут.

¹ Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. С. 442–443. См. также: Теория государства и права: учеб. / под ред. П. В. Анисимова. С. 261–261.

² Общая теория государства и права: академ. курс: в 3 т. Т. 2: Право / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2013. С. 107.

³ Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. С. 663.

⁴ Теория государства и права: курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. С. 469.

⁵ Марченко М. Н. Теория государства и права: учеб. М., 2011. С. 633.

⁶ Теория государства и права: курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. С. 468–471; Теория государства и права: учеб. / под ред. П. В. Анисимова. С. 261; Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. С. 663–664.

Подводя итог, отметим, что фундамент для формирования системы уголовно-правовых принципов заложен общими принципами российского права. С одной стороны, общеправовые принципы по настоящее время продолжают оказывать влияние на разработку принципов уголовного права. С другой – большая часть основных принципов отечественного права, получивших свое развитие в уголовно-правовой науке, претерпела в связи с этим некоторые изменения. Сравнительный анализ общеправовых и уголовно-правовых принципов позволяет сделать вывод о незавершенности формирования системы последних, ведь ее развитие и корректировку тех или иных юридических конструкций нельзя представить без учета достижений теоретико-правовой науки. Вместе с тем ввиду наличия некоторых недостатков и противоречий развитие теоретических воззрений на общие принципы российского права невозможно без учета наработок теории уголовно-правовых принципов.

Список литературы

Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1.

Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010.

Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М., 1992.

Вантеева Н. В. Принципы юридической ответственности: структурно-функциональный анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2005.

Ведяхина К. В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.

Велиев С. А., Савенков А. В. Индивидуализация уголовного наказания. М., 2005.

Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности: моногр. М., 2017.

Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: моногр. М., 2017.

Загородников Н. И. Принципы советского социалистического уголовного права // Советское государство и право. 1966. № 5.

Звечаровский И. Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001.

Карпец И. И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве. М., 1961.

Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. М., 1988.

Комкова Г. Н. Конституционный принцип равенства прав и свобод человека в России. Саратов, 2002.

Комкова Г. Н. Равенство перед законом и судом // Права человека: энциклопед. слов. / отв. ред. С. С. Алексеев. М., 2016.

Кригер Г. А. Индивидуализация наказания по советскому уголовному праву // Применение наказания по советскому уголовному праву / отв. ред. В. Д. Меньшагин, Н. Д. Дурманов. М., 1958.

Курс уголовного права. Общая часть: учеб. Т. 1: Учение о преступлении / под ред. Н. Ф. Кузнецовой, И. М. Тяжковой. М., 1999.

Малеин Н. С. Неотвратимость и индивидуализация ответственности // Советское государство и право. 1982. № 11.

Мальцев В. В. Принцип законности в уголовном кодексе Российской Федерации // Уголовное право. 2003. № 1.

Мамедов М. Н. Уважение прав человека как принцип правового государства: механизм юридического обеспечения // Современное право. 2011. № 10.

Мартыанов В. С. Справедливость: философско-правовой аспект // Права человека: энциклопед. слов. / отв. ред. С. С. Алексеев. М., 2016.

Марченко М. Н. Теория государства и права: учеб. М., 2011.

Мироненко М. Б. Принципы юридической ответственности. Тольятти, 2001.

Нерсисянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. М., 2004.

Общая теория государства и права: академ. курс: в 3 т. Т. 2: Право / отв. ред. М. Н. Марченко. М., 2013.

Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. Н. Новгород, 1993.

Романов В. М. Принципы юридической ответственности и их реализация в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.

Теория государства и права: курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. М., 1998.

Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997.

Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. М., 2011.

Теория государства и права: учеб. / под ред. А. С. Пиголкина. М., 2006.

Теория государства и права: учеб. / под ред. П. В. Анисимова. М., 2005.

Теория государства и права: учеб. / Т. Н. Радько, В. В. Лазарев, Л. А. Морозова. М., 2013.

Теория государства и права: учеб. для вузов / под ред. В. М. Корельского, В. Д. Перевалова. М., 2003.

- Теория права и государства: учеб. / под ред. В. В. Лазарева. М., 1997.
Уголовное право России. Общая и Особенная части: учеб. / под ред. В. К. Дуюнова. М., 2009.
Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учеб. / под ред. А. И. Рарога. М., 2001.
Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. для вузов / под общ. ред. М. П. Журавлева, С. И. Никулина. М., 2008.
Фарбер И. Е. Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов, 1974.
Филимонов В. Д. Принципы уголовного права. М., 2002.
Фролов С. Е. Принципы права (вопросы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2001.
Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учеб. пособие для вузов. М., 1993.
Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2000.
Чубарев В. Л. Индивидуализация наказания (социально-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977.
Чураков А. Н. Принципы юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2000.

References

- Alekseev S. S. Obshchaya teoriya prava: v 2 t. M., 1981. T. 1.
Alekseev S. S. Sbornik sochinenii: v 10 t. T. 3: Problemy teorii prava: kurs lektsii. M., 2010.
Bonner A. T. Zakonnost' i spravedlivost' v pravoprimenitel'noi deyatelnosti. M., 1992.
Cherdantsev A. F. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. dlya vuzov. M., 2000.
Chubarev V. L. Individualizatsiya nakazaniya (sotsial'no-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1977.
Churakov A. N. Printsipy yuridicheskoi otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2000.
Farber I. E. Svoboda i prava cheloveka v Sovetskom gosudarstve. Saratov, 1974.
Filimonov V. D. Printsipy ugovnogo prava. M., 2002.
Frolov S. E. Printsipy prava (voprosy teorii i metodologii): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N. Novgorod, 2001.
Karpets I. I. Individualizatsiya nakazaniya v sovetskom ugovnom prave. M., 1961.
Kelina S. G., Kudryavtsev V. N. Printsipy sovetskogo ugovnogo prava. M., 1988.
Khropanyuk V. N. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. posobie dlya vuzov. M., 1993.
Komkova G. N. Konstitutsionnyi printsip ravenstva prav i svobod cheloveka v Rossii. Saratov, 2002.
Komkova G. N. Ravenstvo pered zakonom i sudom // Prava cheloveka: entsikloped. slov. / otv. red. S. S. Alekseev. M., 2016.
Kriger G. A. Individualizatsiya nakazaniya po sovetskomu ugovnomu pravu // Primenenie nakazaniya po sovetskomu ugovnomu pravu / otv. red. V. D. Men'shagin, N. D. Durmanov. M., 1958.
Kurs ugovnogo prava. Obshchaya chast': ucheb. T. 1: Uchenie o prestuplenii / pod red. N. F. Kuznetsovoi, I. M. Tyazhkovoi. M., 1999.
Malein N. S. Neotvratimost' i individualizatsiya otvetstvennosti // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1982. № 11.
Mal'tsev V. V. Printsip zakonnosti v ugovnom kodekse Rossiiskoi Federatsii // Ugovnoe pravo. 2003. № 1.
Mamedov M. N. Uvazhenie prav cheloveka kak printsip pravovogo gosudarstva: mekhanizm yuridicheskogo obespecheniya // Sovremennoe pravo. 2011. № 10.
Marchenko M. N. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. M., 2011.
Mart'yanov V. S. Spravedlivost': filosofsko-pravovoi aspekt // Prava cheloveka: entsikloped. slov. / otv. red. S. S. Alekseev. M., 2016.
Mironenko M. B. Printsipy yuridicheskoi otvetstvennosti. Tol'yatti, 2001.
Nersesyants V. S. Filosofiya prava: ucheb. dlya vuzov. M., 2004.
Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: akadem. kurs: v 3 t. T. 2: Pravo / otv. red. M. N. Marchenko. M., 2013.
Obshchaya teoriya prava: kurs lektsii / pod obshch. red. V. K. Babaeva. N. Novgorod, 1993.
Romanov V. M. Printsipy yuridicheskoi otvetstvennosti i ikh realizatsiya v deyatelnosti organov vnutrennikh del: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2000.
Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsii / pod red. M. N. Marchenko. M., 1998.
Teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsii / pod red. N. I. Matuzova, A. V. Mal'ko. M., 1997.
Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. / pod red. A. S. Pigolkina, Yu. A. Dmitrieva. M., 2011.
Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. / pod red. A. S. Pigolkina. M., 2006.
Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. / pod red. P. V. Anisimova. M., 2005.
Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. / T. N. Rad'ko, V. V. Lazarev, L. A. Morozova. M., 2013.
Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. dlya vuzov / pod red. V. M. Korel'skogo, V. D. Perevalova. M., 2003.

- Teoriya prava i gosudarstva: ucheb. / pod red. V. V. Lazareva. M., 1997.
- Ugolovnoe pravo Rossii. Obshchaya i Osobennaya chasti: ucheb. / pod red. V. K. Duyunova. M., 2009.
- Ugolovnoe pravo Rossiiskoi Federatsii. Obshchaya chast': ucheb. / pod red. A. I. Raroga. M., 2001.
- Ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti: ucheb. dlya vuzov / pod obshch. red. M. P. Zhuravleva, S. I. Nikulina. M., 2008.
- Vanteeva N. V. Printsipy yuridicheskoi otvetstvennosti: strukturno-funktsional'nyi analiz: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Yaroslavl', 2005.
- Vedyakhina K. V. Osnovnye нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2001.
- Veliev S. A., Savenkov A. V. Individualizatsiya ugovnogo nakazaniya. M., 2005.
- Vitruk N. V. Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti: monogr. M., 2017.
- Vitruk N. V. Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti: monogr. M., 2017.
- Zagorodnikov N. I. Printsipy sovetskogo sotsialisticheskogo ugovnogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1966. № 5.
- Zvecharovskii I. E. Sovremennoe ugovnoe pravo Rossii: ponyatie, printsipy, politika. SPb., 2001.

СУБЪЕКТ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ткачев Игорь Олегович

Доцент кафедры уголовного права Уральского государственного
юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
e-mail: tkachyov@mail.ru

Анализ законодательства и судебной практики позволяет выделить формальный и содержательный признаки специального субъекта мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Отмечается, что фактическое осуществление лицом предпринимательской деятельности в отсутствие регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или органа управления юридического лица исключает квалификацию содеянного по чч. 5–7 ст. 159 УК РФ. Автор приходит к выводу, что содержательный признак субъекта заключается в способности лица своей волей совершать деяния, влекущие возникновение договорных обязательств в сфере реально осуществляемой предпринимательской деятельности. В связи с этим автор обращает внимание на недостатки в определении рассматриваемого понятия, предложенном Верховным Судом РФ. К числу специальных субъектов предпринимательского мошенничества предлагается относить участников некоторых коммерческих организаций и управляющую организацию (управляющего). Выделенные автором признаки специального субъекта мошенничества в сфере предпринимательской деятельности позволяют объяснить отсутствие в числе его квалифицирующих признаков совершения преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой.

Ключевые слова: мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, специальный субъект преступления, соучастие со специальным субъектом, квалифицирующие признаки мошенничества

THE SUBJECT OF BUSINESS FRAUD

Tkachyov Igor

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
e-mail: tkachyov@mail.ru

The author identifies formal and substantial elements of a special subject of business fraud based on the review of the legislation and judicial practice. The article notes that actual implementation of entrepreneurship in the absence of registration as an individual entrepreneur or a management body of a commercial organization excludes the qualification of what was done as business fraud. The author concludes that the substantial element of the subject is an ability to commit acts entailing treaty obligations in the field of real business activities. In this connection, the author draws attention to the shortcomings in the definition of the concept given by the Supreme Court of the Russian Federation. It is proposed that the special subjects of business fraud include participants in some types of commercial organizations and a management organization (a manager). The elements of the special subject of business fraud allocated by the author allow to explain the absence of such constituent elements as the commission of the crime by a group of persons by prior conspiracy or by an organized group.

Key words: business fraud, special subject of crime, complicity in the special subject crime, constituent elements of fraud

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ ст. 159 Уголовного кодекса РФ была дополнена чч. 5–7, в которых законодатель вновь установил ответственность за мошенничество, сопряженное с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности. Анализируемое преступление в доктрине уголовного права принято называть предпринимательским мошенничеством или мошенничеством в сфере предпринимательской деятельности, несмотря на то что в УК РФ указанный термин не используется.

Состав рассматриваемого преступления отличается от общего состава мошенничества, в том числе специальным субъектом.

Как указано в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», преступление следует считать совершенным в сфере предпринимательской деятельности, если оно совершено индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности.

Следует иметь в виду, что названное постановление касается вопросов уголовной ответственности не только за мошенничество, но и за иные преступления, совершаемые в сфере предпринимательской деятельности. Именно этим объясняется разделение функций специального субъекта на функции по осуществлению предпринимательской деятельности и функции по управлению организацией или имуществом индивидуального предпринимателя.

Применительно к составу мошенничества признаки специального субъекта уточняются в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где отмечается, что состав мошенничества, предусмотренный чч. 5–7 ст. 159 УК РФ, имеет место в случае, если виновное лицо является индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации.

Анализ приведенных разъяснений, данных высшей судебной инстанцией, позволяет прийти к выводу, что специальный субъект предпринимательского мошенничества имеет два признака: формальный и содержательный.

Формальный признак субъекта основан на положениях абз. 3 п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса РФ, который определяет, что лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны быть зарегистрированы в этом качестве в установленном законом порядке, если иное не предусмотрено ГК РФ. Таким образом, формальный признак субъекта предпринимательского мошенничества означает, что лицо либо в установленном законом порядке зарегистрировано в качестве индивидуального предпринимателя (т. е. сведения об указанном лице содержатся в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей), либо в установленном законом порядке избрано (назначено) в качестве органа управления коммерческой организации, сведения о которой внесены в Единый государственный реестр юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ).

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ относит к числу специальных субъектов мошенничества в сфере предпринимательской деятельности лиц, которые осуществляют полномочия как единоличных, так и коллегиальных органов управления коммерческой организацией.

Вместе с тем правила ведения ЕГРЮЛ не предусматривают необходимости внесения в такой реестр сведений обо всех органах управления организацией. В соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон о государственной регистрации) в реестр вносятся сведения о лице, которое имеет право действовать от имени юридического лица без доверенности.

Таким лицом, как правило, является единоличный исполнительный орган коммерческой организации.

Соответственно, сведения о коллегиальных органах управления коммерческой организацией не подлежат внесению в ЕГРЮЛ. В отношении указанных лиц формальный признак субъекта означает, что такое лицо включено в состав органа управления коммерческой организацией (избрано или назначено) в порядке, установленном законом и учредительными документами юридического лица.

В связи с этим возникает вопрос: каким образом необходимо квалифицировать предусмотренное ч. 5 ст. 159 УК РФ деяние, если оно совершено после избрания (назначения) лица на должность единоличного исполнительного органа коммерческой организации, но до внесения соответствующих сведений в ЕГРЮЛ? По нашему мнению, если решение о возложении на лицо функций единоличного исполнительного органа коммерческой организации в действительности было принято уполномоченным органом юридического лица, то подлежат применению специальные нормы о предпринимательском мошенничестве.

Согласно ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об обществах с ограниченной ответственностью) и ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об акционерных обществах) изменения, внесенные в устав общества, приобретают силу для третьих лиц с момента их государственной регистрации, а в случаях, установленных законодательством, – с момента уведомления органа, осуществляющего государственную регистрацию. Однако сведения о лице, осуществляющем функции единоличного исполнительного органа юридического лица, внесению в устав не подлежат. Соответствующие сведения отражаются только в ЕГРЮЛ. При этом относительно изменения указанных сведений аналогичные правила (о приобретении такими изменениями силы только с момента их государственной регистрации) законодателем не сформулированы. Как отмечено в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2006 г. № 12049/05 по делу № А23-301/04, закон не связывает возникновение либо прекращение полномочий единоличного исполнительного органа с фактом внесения в государственный реестр таких сведений. Схожие разъяснения содержатся в п. 2 Обзора практики разрешения споров, связанных с государственной регистрацией юридических лиц, утвержденного президиумом Федерального арбитражного суда Уральского округа 25 июля 2008 г., и п. 1.3 Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 4 (2015)¹.

Таким образом, лицо, избранное (назначенное) на должность единоличного исполнительного органа юридического лица, приобретает возможность действовать от его имени без доверенности именно с момента его избрания (назначения).

Вместе с тем если решение об избрании (назначении) на должность единоличного исполнительного органа коммерческой организации было сфальсифицировано, то виновный подлежит ответственности по общей норме о мошенничестве независимо от внесения записи о таком лице в ЕГРЮЛ. Состав мошенничества в сфере предпринимательской деятельности охватывает только обман в намерении и возможности исполнить принятое на себя договорное обязательство. В описанном же случае имеет место обман в личности, поскольку виновный выдает себя за лицо, уполномоченное действовать от имени коммерческой организации. При этом если на основании сфальсифицированного решения уполномоченного органа управления коммерческой организацией в ЕГРЮЛ были внесены недостоверные сведения о лице, осуществляющем функции его единоличного исполнительного органа, виновный также подлежит привлечению к ответственности по ч. 1 ст. 170.1 УК РФ.

Формальный признак специальных субъектов предпринимательского мошенничества исключает возможность отнесения к ним лиц, которые фактически осуществляют предпринимательскую деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или фактически осуществляют полномочия по управлению коммерческой организацией без внесения соответствующих сведений в ЕГРЮЛ.

¹ Письмо ФНС России от 30 декабря 2015 г. № ГД-4-14/23321@.

Как отмечено в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 декабря 2012 г. № 34-П, отсутствие государственной регистрации само по себе не означает, что деятельность гражданина не может быть квалифицирована в качестве предпринимательской, если по своей сути она является таковой¹. Вместе с тем не стоит забывать, что норма об ответственности за предпринимательское мошенничество является привилегированной по отношению к общей норме об ответственности за мошенничество. Привилегированный характер состава обусловлен взаимосвязью совершенного преступления с реально осуществляемой лицом законной предпринимательской деятельностью. При этом законный характер предпринимательской деятельности означает, в том числе, соблюдение требований о государственной регистрации (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Как поясняет В. И. Тюнин, поскольку такими лицами осознается запрет осуществлять предпринимательскую деятельность без регистрации, должны осознаваться и неблагоприятные последствия (риски) такой деятельности в уголовно-правовом поле². В связи с этим предоставление подобным лицам уголовно-правовых преференций, по нашему мнению, недопустимо.

Спорным представляется вопрос о том, как следует квалифицировать действия лица, не обладающего признаками специального субъекта предпринимательского мошенничества, в случае совершения им деяния, описанного в диспозиции чч. 5–7 ст. 159 УК РФ. К сожалению, указанный вопрос не нашел однозначного ответа в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48. Как указано в абз. 2 п. 27 названного постановления, исходя из положений ч. 4 ст. 34 УК РФ лица, не обладающие признаками специального субъекта, но непосредственно участвовавшие в хищении имущества согласно предварительной договоренности с индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации, должны нести уголовную ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности в качестве организаторов, подстрекателей или пособников. Таким образом, Пленум ограничился рассмотрением только одной ситуации – когда названное лицо выполняет объективную сторону анализируемого вида мошенничества совместно с виновно действующим специальным субъектом.

Однако не исключены и такие ситуации, когда лицо, обладающее признаками специального субъекта предпринимательского мошенничества, не подлежит уголовной ответственности (например, в силу непреодолимого принуждения, добросовестного заблуждения, исключающего вину, и т. д.). В таких случаях принято говорить о посредственном исполнении (если объективную сторону анализируемого преступления полностью выполнил не подлежащий уголовной ответственности специальный субъект) или групповом соисполнении (если объективную сторону совместно выполнили не подлежащий уголовной ответственности специальный субъект и лицо, не обладающее признаками специального субъекта). По нашему мнению, в указанных случаях лицо, не отвечающее признакам специального субъекта, должно нести ответственность по общей норме о мошенничестве, поскольку рассматривается в качестве единственного исполнителя совершенного преступления.

Содержательный признак специального субъекта заключается в способности лица совершать деяния, влекущие возникновение договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, реально осуществляемой индивидуальным предпринимателем или коммерческой организацией.

С учетом приведенных признаков специального субъекта мошенничества в сфере предпринимательской деятельности становятся очевидны недостатки в определении Пленумом Верховного Суда РФ объема рассматриваемого понятия.

Во-первых, в силу прямого указания п. 2 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо в предусмотренных ГК РФ случаях может приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности через своих участников. При этом способностью при-

¹ В связи с этим некоторые авторы придерживаются противоположной позиции. Подробнее см.: Есаков Г. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. № 3. С. 43; Смирнов Г. Конституционный Суд прекратил действие нормы о «предпринимательском мошенничестве» // Уголовное право. 2015. № 5. С. 97.

² Тюнин В. И. Некоторые вопросы толкования и применения норм о специальных видах мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5. С. 123.

обретать права и обязанности через своих участников наделены две разновидности коммерческих организаций: полные товарищества (п. 1 ст. 72 ГК РФ) и товарищества на вере (п. 1 ст. 84 ГК РФ). В силу положений п. «д» ч. 1 ст. 5 Закона о государственной регистрации сведения об участниках таких юридических лиц подлежат внесению в ЕГРЮЛ наряду со сведениями о единоличном исполнительном органе. Таким образом, участники полного товарищества или товарищества на вере обладают всеми признаками специального субъекта предпринимательского мошенничества.

Кроме того, хозяйственные общества на основании договора вправе передать осуществление полномочий своего единоличного исполнительного органа управляющей организации или управляющему (ст. 42 Закона об обществах с ограниченной ответственностью, ст. 69 Закона об акционерных обществах). При этом управляющая организация или управляющий не относятся к органам управления коммерческой организации, хотя и выполняют функции единоличного исполнительного органа на основании заключенного с обществом договора. Так, согласно п. 2 ст. 42 Закона об обществах с ограниченной ответственностью общество, передавшее полномочия единоличного исполнительного органа управляющему, осуществляет гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через управляющего. Если деяние, описанное в диспозиции чч. 5–7 ст. 159 УК РФ, будет совершено управляющим или органом управления управляющей организации, то, исходя из приведенных выше разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, ответственность должна наступать по общей норме о мошенничестве, что не вполне логично. На наш взгляд, указанные лица также должны нести ответственность за мошенничество в сфере предпринимательской деятельности, поскольку отвечают всем признакам специального субъекта данного преступления.

Таким образом, под специальным субъектом преступления, предусмотренного чч. 5–7 ст. 159 УК РФ, следует понимать индивидуального предпринимателя, а также лицо, которое в соответствии с законом и учредительными документами обладает полномочиями по формированию и выражению воли коммерческой организации на принятие представляемым им лицом договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности.

В связи с этим постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, на наш взгляд, нуждается в изменении. Абзацы 1–4 п. 11 указанного постановления должны быть изложены в следующей редакции: «Судам необходимо иметь в виду, что состав мошенничества, предусмотренного частями 5–7 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, имеет место в случае, если:

в действиях лица имеются признаки хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием;

указанные действия сопряжены с умышленным неисполнением принятых на себя виновным лицом обязательств по договору в сфере предпринимательской деятельности, сторонами которого являются только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации;

виновное лицо является индивидуальным предпринимателем либо выполняет функцию единоличного исполнительного органа или является членом коллегиального органа управления коммерческой организации. При этом факт внесения в Единый государственный реестр юридических лиц записи о виновном лице как о лице, выполняющем функцию единоличного исполнительного органа коммерческой организации, сам по себе юридического значения не имеет».

Отмеченные выше признаки специального субъекта предпринимательского мошенничества объясняют отсутствие в числе его квалифицирующих признаков совершения преступления группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности – единственное хищение, в составе которого указанные признаки не выполняют функцию дифференциации уголовной ответственности¹.

¹ С учетом положений ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой исключают возможность отнесения деяния к мелкому хищению, в связи с чем указанные признаки в принципе не могли быть использованы при конструировании состава ст. 158.1 УК РФ.

Согласно правовой позиции, отраженной в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48, мошенничество в сфере предпринимательской деятельности надлежит считать совершенным группой лиц по предварительному сговору, если в преступлении участвовали два и более лица, отвечающих признакам специального субъекта этого преступления, которые заранее договорились о совместном совершении преступления.

С учетом процесса формирования и выражения воли юридического лица на принятие договорных обязательств ситуация, при которой деяние, описанное в чч. 5–7 ст. 159 УК РФ, может быть совершено двумя или более специальными субъектами, возможна в случаях, когда:

в коммерческой организации в соответствии с положениями абз. 3 п. 1 ст. 53 ГК РФ сформированы два или более единоличных исполнительных органа, действующих совместно;

договорное обязательство, которое в дальнейшем преднамеренно не было исполнено, возникло из сделки, на совершение которой единоличному исполнительному органу юридического лица потребовалось получение согласия иного органа его управления¹.

Вместе с тем в подавляющем большинстве случаев юридическое лицо приобретает права и обязанности через единоличный исполнительный орган, который в соответствии с законом и учредительными документами без доверенности действует от имени организации во взаимоотношениях с третьими лицами. Анализ опубликованной судебной практики показывает, что все лица, привлеченные к уголовной ответственности по чч. 5–7 ст. 159 УК РФ, относятся к числу лиц, выполняющих функции именно единоличного исполнительного органа.

Как отмечается в юридической литературе, обстоятельство, претендующее на включение в число квалифицирующих признаков, должно быть относительно распространенным, но не может сопровождать большинство преступлений определенного вида². Единичные обстоятельства не следует закреплять в качестве признака состава преступления даже в тех случаях, когда они существенно влияют на общественную опасность содеянного³. В связи с этим незначительное количество случаев совершения деяния совместно двумя или более специальными субъектами обусловило отсутствие необходимости в дифференциации уголовной ответственности за предпринимательское мошенничество с использованием такого квалифицирующего признака, как совершение преступления группой лиц по предварительному сговору. В этой части решение законодателя выглядит абсолютно оправданным. Если же деяние все-таки было совершено при наличии рассматриваемого признака, это обстоятельство должно быть учтено судом при индивидуализации наказания в качестве отягчающего обстоятельства на основании положений п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

В соответствии с подходом, которого в последнее время последовательно придерживается Верховный Суд РФ, организованную группу (в отличие от группы лиц по предварительному сговору) могут образовывать также лица, не обладающие признаками специального субъекта. Указанный подход применительно к составу мошенничества в сфере предпринимательской деятельности нашел свое отражение в абз. 2 п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48.

Вместе с тем в составе анализируемого преступления не нашлось места и этому квалифицирующему признаку. И в этой части решение законодателя заслуживает одобрения. Согласно положениям ч. 3 ст. 35 УК РФ преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Таким образом, признаком организованной группы является объединение лиц для осуществления именно преступной деятельности. В то же время рассматриваемый вид мошенничества должен быть связан с реально осуществляемой индивидуальным предпри-

¹ При условии, конечно, что сознанием лиц, дававших согласие на совершение такой сделки, охватывалось, что она в дальнейшем не будет исполнена коммерческой организацией.

² Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 263.

³ Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984. С. 38.

нимателем или коммерческой организацией предпринимательской деятельностью. Если лицо приобретает статус индивидуального предпринимателя или регистрирует коммерческую организацию без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность, а только в целях совершения преступления, содеянное квалифицируется по общей норме об ответственности за мошенничество¹. Следовательно, совершение деяния организованной группой нетипично для анализируемого хищения, противоречит его природе, в связи с чем данный признак не может использоваться в качестве квалифицирующего.

Список литературы

Есаков Г. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ст. 159.4 УК РФ): проблемы применения нормы // Уголовное право. 2014. № 3.

Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений. М., 1984.

Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000.

Смирнов Г. Конституционный Суд прекратил действие нормы о «предпринимательском мошенничестве» // Уголовное право. 2015. № 5.

Тюнин В. И. Некоторые вопросы толкования и применения норм о специальных видах мошенничества // Уголовное право. 2015. № 5.

Яни П. С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 6.

References

Esakov G. Moshennichestvo v sfere predprinimatel'skoi deyatel'nosti (st. 159.4 UK RF): problemy primeneniya normy // Uголовное право. 2014. № 3.

Kurinov B. A. Nauchnye osnovy kvalifikatsii prestuplenii. M., 1984.

Lesnievski-Kostareva T. A. Differentsiatsiya ugovlovnoi otvetstvennosti. Teoriya i zakonodatel'naya praktika. M., 2000.

Smirnov G. Konstitutsionnyi Sud prekratil deistvie normy o «predprinimatel'skom moshennichestve» // Uголовное право. 2015. № 5.

Tyunin V. I. Nekotorye voprosy tolkovaniya i primeneniya norm o spetsial'nykh vidakh moshennichestva // Uголовное право. 2015. № 5.

Yani P. S. Spetsial'nye vidy moshennichestva // Zakonnost'. 2015. № 6.

¹ Яни П. С. Специальные виды мошенничества // Законность. 2015. № 6. С. 20.

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ВИКТИМНОСТИ НЕОСОЗНАВАЕМЫМИ УСТАНОВКАМИ

Думанская Елена Игоревна

Доцент кафедры уголовного права Уральского государственного
юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
e-mail: dumanskaya.e@yandex.ru

В статье анализируется природа индивидуальной виктимности. Автор излагает свои предположения относительно факторов, обуславливающих индивидуальную виктимность, в целях улучшения качества виктимологической профилактики. Сделана попытка осмысления причин виктимного поведения, которые в значительной степени можно отнести к сфере неосознаваемой психической деятельности. Подчеркивается необходимость отхода от традиционных представлений о причинах виктимности. Предпринята попытка рассмотреть причины виктимности с позиций влияния неосознаваемых установок семейной системы. Ведь на знание закономерностей виктимного поведения и опираются разработка мер профилактики, выбор эффективных средств воздействия на личность в целях предупреждения становления жертвой. Отмечается важность такого направления виктимологической профилактики, как виктимологическое консультирование.

Ключевые слова: индивидуальная виктимность, жертва, виктимологическое консультирование

CONDITIONALITY OF INDIVIDUAL VICTIMIZATION BY UNCONSCIOUS MENTAL ATTITUDES

Dumanskaya Elena

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences,
e-mail: dumanskaya.e@yandex.ru

The article is devoted to the nature of individual victimization. The author states her assumptions about the factors conditioning individual victimization in order to improve the quality of victimological prevention. The article attempts to comprehend the reasons for victim behaviour, which can be largely attributed to the sphere of unconscious mental activity. The need to move away from traditional attitudes towards the causes of victimization is emphasized. There is an attempt to consider the causes of victimization from the standpoint of the influence of unconscious attitudes of the family system. After all, the development of preventive measures, the choice of effective means of influencing a person in order to prevent his / her victimization, is based on the knowledge about the laws of victim behaviour. The importance of victimological counselling as an area of victimological prevention is emphasized.

Key words: individual victimization, victim, victimological counselling

Традиционно считается¹, что человек сам может распоряжаться своей судьбой в той или иной степени. Существует типаж людей, для которых нет слова «невозможно» и которые всегда оказываются сильнее обстоятельств. В то же время есть люди, которые регулярно попадают в опасные ситуации и которых всегда настигают неприятности.

По нашему мнению, многих людей, пострадавших от преступных посягательств, объединяют некоторые особенности поведения и черты характера. Вероятность пострадать от преступных посягательств для этой категории лиц намного выше, чем для

¹ Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. М., 2010. С. 6.

остальных. Что это – злой рок, судьба или что-то иное? Постараемся изложить наше видение данной ситуации.

Индивидуальное виктимное поведение обусловлено многими факторами¹. На действия человека оказывают влияние осознаваемые и неосознаваемые, рациональные и эмоциональные компоненты. Вместе с тем проведенный нами анализ случаев, когда одни и те же лица повторно становились жертвами преступлений («рецидивные» жертвы), показал, что ни судебная практика, ни субъекты профилактики, как правило, не предпринимают попыток проникновения в подсознательную сферу жертв, раскрытия глубинных личностных образований с целью разработки эффективных мер виктимологической профилактики.

В ситуациях, когда одни и те же лица повторно становятся жертвами бытового, домашнего насилия, виктимный сценарий, по нашему мнению, реализуется неосознанно. Так, «в период 2013–2015 гг. мировым судьей судебного участка № 6 Верхнекамского судебного района было рассмотрено 5 уголовных дел, где потерпевшей была признана гражданка М., из них 4 – с обвинительным приговором. Исходя из обстоятельств рассмотренных дел, все указанные преступления совершены лицами, ранее судимыми, в состоянии алкогольного опьянения. Несмотря на то что с потерпевшей М. неоднократно проводились профилактические беседы УУП и ПДН пункта полиции, должных выводов она не сделала»².

Мы убеждены, что понимание неосознаваемых аспектов человеческой мотивации может служить ключом к раскрытию причин и мотивов поведения как преступника³, так и жертвы.

Хотелось бы акцентировать внимание на неосознаваемых установках, сформированных семейной системой жертвы. Подчеркнем, что индивид является биологической, психологической и психосоциальной целостностью, «реакции которой детерминированы как индивидуальной психологией, так и правилами семейной системы»⁴.

Известный специалист в области психогенеалогии и семейных связей А. А. Шутценбергер отмечает: «...с седьмого месяца беременности ребенок начинает видеть сны, и, вероятно, эти сны передает ему мать: у него те же сны и тем самым он имеет (или может иметь) доступ к ее бессознательной сфере... бессознательное матери и ребенка связаны, и ребенок знает, угадывает и чувствует вещи, относящиеся к семье в течение двух-трех поколений... На психодраматических сессиях во время повторного переживания рождения у взрослого человека появляются манеры, движения губ и тонкий голос младенца... он вспоминает важные и травмирующие факты своего рождения или события, случившиеся до его появления на свет (в некоторых случаях это удалось проверить)»⁵.

А. А. Шутценбергер указывает, что «...при рождении и даже во чреве ребенок получает определенное количество посланий: ему передают фамилию и имя, ожидание ролей, которые ему придется играть или же избегать. Эти ролевые ожидания могут быть позитивными и / или негативными. Из ребенка сделают „козла отпущения“... ему много всего предскажут – предписания, сценарии, будущее. Это будет сказано явно или останется невысказанным и будет подразумеваться „по умолчанию“ и храниться в строгой тайне. Однако явные или неявные ожидания начнут „программировать“ ребенка. Затем семья и окружение начнут вводить эту программу в психику ребенка: его жизнь и смерть, брак или безбрачие, профессия или призвание, будущее станут, таким образом, производной от всего семейного контекста – высказанного и невысказанного»⁶.

Необходимо изучать неосознаваемые семейные установки в тех пределах, которые позволяют обеспечить решение уголовно-правовых, криминологических и уголовно-исполнительных проблем по конкретному делу.

¹ Малкина-Пых И. Г. Указ. соч. С. 13–14.

² Обернихина Е. Н. Виктимологические особенности насильственных преступлений, совершаемых рецидивистами в бытовой сфере // Виктимология. 2015. № 3. С. 57.

³ Думанская Е. И. Личностные деформации как криминогенная предпосылка преступного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1. С. 69–75.

⁴ Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциогаммы. М., 2009. С. 35–36.

⁵ Там же. С. 202.

⁶ Там же. С. 196.

Можно констатировать, что интериоризация¹ виктимогенных норм, полученных из семейной системы, будет определяющим фактором в формировании различных типов поведения – как связанного с оценкой самого себя как жертвы, усвоением виктимных состояний, так и провоцирующего.

При наличии неосознаваемых виктимогенных установок человек неосознанно попадает в ситуации, где он становится жертвой, иногда даже насильственного преступления. Происходит своего рода неосознаваемое провоцирование против себя преступников (ночные прогулки в безлюдных местах, расположение имущества так, чтобы оно стало легкой добычей, распитие спиртных напитков с незнакомцами и т. д.). Для специалистов, занимающихся виктимологической профилактикой, информация о таких ситуациях поможет получить представление о модели виктимного поведения как способе реализации усвоенных виктимных норм.

В русле оказания необходимой и достаточной помощи жертвам преступлений важным направлением виктимологической профилактики становится виктимологическое консультирование.

Согласно п. 14.4 приказа МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступности» к полномочиям сотрудников подразделений дознания относится осуществление профилактической деятельности среди лиц, потерпевших от преступных посягательств, в целях изменения их виктимного поведения.

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» субъектами профилактики правонарушений названы среди прочих органы прокуратуры РФ и следственные органы Следственного комитета РФ. Статьей 27 Закона предусмотрено, что помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми, направлена на оказание правовой, социальной, психологической, медицинской и иной поддержки указанным лицам, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации с их согласия в целях минимизации последствий правонарушений либо снижения риска стать пострадавшими от правонарушений.

Таким образом, представляется, что органы дознания, органы прокуратуры Российской Федерации и следственные органы Следственного комитета Российской Федерации в процессе осуществления правоохранительной деятельности, сталкиваясь с «рецидивными» жертвами, должны рекомендовать таким людям обратиться к специалистам, владеющим методом составления геносоциограммы². Причем понятие повторных жертв мы трактуем достаточно широко, включая сюда и латентных жертв, и жертв разнородных преступлений.

С помощью метода геносоциограммы можно быстро и четко выделить «...различные типы отношений субъекта со своим окружением и связи между различными персонажами... кто кого заменяет в семье... одаренные, обделенные, „несправедливости“ (семейные и социальные счета), повторения...»³.

По нашему мнению, органы, на которые возложены задачи виктимологической профилактики, должны разъяснять, что если при использовании метода геносоциограммы появляются основания предполагать, что жертвой через неосознаваемые семейные установки усвоены виктимогенные нормы и она выполняет роль жертвы в данной семейной системе, то целесообразно в качестве мероприятий по снижению уровня индивидуальной виктимности проходить психотерапевтическое консультирование. Это может оказать благоприятное воздействие на виктимное поведение, причина которого кроется в семейных установках и неосознаваемой реализации сценария жертвы.

¹ Интериоризация – формирование внутренних структур человеческой психики посредством усвоения внешней социальной деятельности, присвоения жизненного опыта, становления психических функций и развития в целом (см.: URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/interiorizaciya>).

² Геносоциограмма – генеалогическое древо со значимыми фактами, важными событиями жизни и графически представленными эмоциональными связями. Подробнее см.: Шутценбергер А. А. Указ. соч.

³ Там же. С. 22.

Список литературы

Думанская Е. И. Личностные деформации как криминогенная предпосылка преступного поведения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1.

Малкина-Пых И. Г. Виктимология. Психология поведения жертвы. М., 2010.

Обернихина Е. Н. Виктимологические особенности насильственных преступлений, совершаемых рецидивистами в бытовой сфере // Виктимология. 2015. № 3.

Шутценбергер А. А. Синдром предков: Трансгенерационные связи, семейные тайны, синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. М., 2009.

References

Dumanskaya E. I. Lichnostnye deformatsii kak kriminogennaya predposylka prestupnogo povedeniya // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. 2018. № 1.

Malkina-Pykh I. G. Viktimologiya. Psikhologiya povedeniya zhertvy. M., 2010.

Obernikhina E. N. Viktimologicheskie osobennosti nasil'stvennykh prestuplenii, sovershaemykh retsidivistami v bytovoi sfere // Viktimologiya. 2015. № 3.

Shuttsenberger A. A. Sindrom predkov: Transgeneratsionnye svyazi, semeinye tainy, sindrom godovshchiny, peredacha travm i prakticheskoe ispol'zovanie genosotsiogrammy. M., 2009.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДОКУМЕНТООБОРОТА В ОРГАНАХ ПРОКУРАТУРЫ

Абдуллаев Эльдар Магомедович

Заместитель прокурора Левашинского района Республики Дагестан (Махачкала),
кандидат юридических наук,
e-mail: aem14@yandex.ru

В статье отражены некоторые проблемы деятельности органов прокуратуры, в частности избыточный документооборот, существенно влияющий на оперативность и полноту выполнения целей и задач прокуратуры. Обозначена проблема загруженности прокурорских работников ввиду увеличения направлений надзорной деятельности, количества заданий и поручений, поступающих из вышестоящих прокуратур. Приведены положительные примеры упорядочивания организационно-распорядительной документации надзорной деятельности, в том числе с помощью программного обеспечения.

Ключевые слова: прокуратура, организационно-распорядительные документы, поручения, систематизация

ON SOME ASPECTS OF THE ORGANIZATION OF DOCUMENTS IN THE PROSECUTOR'S OFFICE

Abdullaev El'dar

Deputy prosecutor, Levashinsky district of the Republic of Dagestan (Makhachkala),
candidate of legal sciences,
e-mail: aem14@yandex.ru

The article reflects some problems of the work of the prosecutor's office, in particular an excessive document flow, which significantly affects the efficiency and completeness of the goals and objectives of the prosecutor's office. The author mentions the overwork of prosecutors due to the increase in the areas of supervision and the number of tasks and assignments coming from higher prosecutors. Positive examples of streamlining the organizational and administrative documents concerning supervisory activities (with the help of software as well) are given.

Key words: prosecutor's office, organizational and administrative documents, instructions, systematization

Для реализации целей и задач прокуратуры Российской Федерации, определенных в ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», вышестоящие прокуратуры издают организационно-распорядительные документы (приказы, указания, распоряжения и пр.). Эти документы регламентируют конкретные направления надзорной деятельности, вопросы планирования, учета и отчетности, анализа, делопроизводства, кадрового состава, а также доводят до подчиненных прокуроров требования вышестоящих прокуроров и Генерального прокурора РФ.

По словам О. С. Капинус, «организация работы – это краеугольный камень деятельности прокурорской системы в целом и важное слагаемое работы всех прокуратур городского (районного) звена в частности»¹. При этом вышестоящие прокуратуры должны учитывать потребность и актуальность издаваемых документов организационного

¹ Капинус О. С. Прокуратуры городов и районов – ключевое звено системы органов прокуратуры России // Прокурор. 2014. № 1.

характера, регулировать объем ведомственной нормативно-правовой базы, обеспечивать должную организацию деятельности прокуратур.

Нормативно-правовая база должна совершенствоваться, особенно в период глубоких социально-экономических преобразований и с учетом новых задач, сформулированных руководством страны. Однако для любой деятельности стабильность является важнейшим условием ее эффективности.

В настоящее время принимается слишком много организационно-распорядительных документов. Избыточность документооборота не лучшим образом влияет на системность и стабильность надзорной деятельности и качество управленческих решений.

Нижестоящие прокуроры много внимания уделяют изучению новых документов, перепланируют работу по их исполнению, анализу и учету надзорной деятельности. Так, за 2018 г. в городские и районные прокуратуры Республики Дагестан поступило более 500 заданий и поручений, за 11 месяцев 2019 г. – более 400. Кроме того, в прокуратурах находятся более 200 заданий и поручений периодического исполнения. Эта работа проводится прокурорами наряду с основными задачами и направлениями деятельности.

Не единичны случаи издания нескольких идентичных по содержанию организационно-распорядительных документов, по исполнению каждого из которых необходимо представлять отдельную докладную записку. Все это погружает прокуроров в «бумажную рутину». Проблема крайне актуальна для малокомплектных прокуратур, когда на одного работника возлагается ряд направлений надзорной деятельности.

Положительным примером упорядочивания нормативной базы по отдельным направлениям надзорной деятельности можно назвать издание приказа прокурора Республики Дагестан Д. Г. Попова от 11 мая 2018 г. № 85 «Об организации прокурорского надзора на досудебной стадии уголовного судопроизводства», которым отменены шесть схожих приказов и указаний прокурора Республики 2013, 2014 и 2017 гг. В приказе кодифицированы и конкретизированы требования к деятельности нижестоящих прокуратур по указанному направлению.

В последние годы наблюдаются рост отчетности прокуратур, повышение степени детализации числовых показателей, которые вышестоящими прокуратурами одновременно подвергаются подробному анализу, в том числе в сравнении с аналогичным периодом прошлого года. При этом ряд поступающих заданий и поручений аналитического толка ставят под сомнение эффективность отчетов и фактическую их потребность.

Например, во исполнение поручения Президента РФ от 30 апреля 2010 г. № Пр-1210 Генеральной прокуратурой РФ поручено проанализировать деятельность правоохранительных органов по соблюдению разумных сроков уголовного судопроизводства. Для исполнения задания и заполнения таблиц необходимо почти на 95 % использовать статистические отчеты форм 1-Е, 2-Е, ЕМ, ПМ и НСиД, которые проиллюстрированы в докладной записке примерами надзорной деятельности. То есть возможность использования сводных отчетов по субъекту и в целом по стране с запросом конкретных примеров либо копий актов прокурорского реагирования инициаторами задания не предусматривается. Прокуроров озадачивают банальным переносом числовых показателей из одной таблицы в другую.

Увеличение объема аналитической работы, учета и отчетности, дифференцированная оценка деятельности нижестоящих прокуратур через сравнение с аналогичным периодом прошлого года объясняют отсутствие реальных положительных изменений в том или ином направлении надзорной деятельности при стабильном росте количества актов прокурорского реагирования, показателей выявленных нарушений и пр. Схожее мнение по этому вопросу высказала О. С. Капинус, обращая внимание на загруженность прокурорских работников ввиду увеличения направлений надзорной деятельности, количества заданий и поручений, поступающих из вышестоящих прокуратур¹.

¹ Капинус О. С. Указ. соч.

Другой проблемой является деструктуризация заданий периодического исполнения, из-за чего прокуроры упускают из вида тот или иной организационно-распорядительный документ, задание и поручение, особенно прошлых лет, по которому к определенному сроку необходимо представить информацию либо докладную записку.

В целях улучшения организации работы, повышения исполнительской дисциплины предлагаем издать распоряжение по прокуратуре субъекта, обязывающее старших помощников прокурора, руководителей подразделений прокуратуры сформировать реестр поручений, заданий, решений коллегий и постановлений координационных совещаний как единичного, так и периодического исполнения, ежемесячно его актуализировать и направлять прокурорам городов, районов и специализированных прокуратур для исполнения. Реестр должен содержать реквизиты задания, поручения, организационно-распорядительного документа, краткое содержание с указанием конкретного пункта (раздела), подлежащего исполнению, срок исполнения, подразделение аппарата прокуратуры субъекта, куда необходимо направить информацию либо докладную записку.

Несмотря на паллиативность нашего предложения, полагаем, что оно окажет существенную помощь прокуратурам, исключит случаи несвоевременного и ненадлежащего направления информации, повысит эффективность работы, упорядочит документооборот.

Работа прокуратуры должна совершенствоваться с учетом современных технологий, что заложено в Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры до 2025 года, утвержденной приказом Генеральной прокуратуры РФ от 14 сентября 2017 г. № 627. При этом наиболее значимыми проблемами остаются организация обучения прокуроров работе со специализированными программами, подбор программного обеспечения с простым и в то же время эффективным интерфейсом, направленного на оптимизацию внутренней деятельности органов прокуратуры, обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования собственной цифровой инфраструктуры.

По мнению ряда ученых, основной причиной задержки реформирования служит отсутствие единообразия используемых информационных продуктов, которые не интегрируются один с другим¹.

Заслуживают внимания предложение прокурора Псковской области С. Д. Белова о создании межведомственной цифровой платформы «Цифровая правоохрана» и принятые им меры по цифровизации надзорной деятельности в прокуратуре Псковской области², а также футуристические идеи некоторых практикующих юристов о внедрении искусственного интеллекта в деятельность органов прокуратуры³.

Следует также отметить определенную консервативность органов прокуратуры в вопросах внедрения цифровых технологий. Большинство органов власти, в том числе правоохранительных органов, перешли к электронному документообороту, тогда как органы прокуратуры все еще используют классические способы отправления корреспонденции.

Список литературы

Белов С. Д. Цифровизация прокурорского надзора и вопросы взаимодействия органов прокуратуры с правоохранительными и контрольно-надзорными органами // Законность. 2018. № 8.

Капинус О. С. Прокуратуры городов и районов – ключевое звено системы органов прокуратуры России // Прокурор. 2014. № 1.

Шайдуллин Р. Ф. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры // Законность. 2019. № 11.

Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: моногр. / под ред. О. А. Зайцева, В. П. Кашепова, И. И. Кучерова, О. А. Степанова. М., 2019.

¹ Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: моногр. / под ред. О. А. Зайцева, В. П. Кашепова, И. И. Кучерова, О. А. Степанова. М., 2019. С. 88.

² Белов С. Д. Цифровизация прокурорского надзора и вопросы взаимодействия органов прокуратуры с правоохранительными и контрольно-надзорными органами // Законность. 2018. № 8.

³ Шайдуллин Р. Ф. Перспективы внедрения искусственного интеллекта в деятельности органов прокуратуры // Законность. 2019. № 11.

References

Belov S. D. Tsifrovizatsiya prokurorskogo nadzora i voprosy vzaimodeistviya organov prokuratury s pravookhranitel'nymi i kontrol'no-nadzornymi organami // *Zakonnost'*. 2018. № 8.

Kapinus O. S. Prokuratury gorodov i raionov – klyuchevoe zveno sistemy organov prokuratury Rossii // *Prokuror*. 2014. № 1.

Shajdullin R.F. Perspektivy vnedreniya iskusstvennogo intellekta v deyatel'nosti organov prokuratury // *Zakonnost'*. 2019. № 11.

Ugolovno-yurisdiktsionnaya deyatel'nost' v usloviyakh tsifrovizatsii: monogr. / pod red. O. A. Zaitseva, V. P. Kashepova, I. I. Kucheroва, O. A. Stepanova. M., 2019.

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМИ РИСКАМИ: ПОНЯТИЕ, СИСТЕМА, ПРАВОВОЕ ПРЕЛОМЛЕНИЕ

Федорова Марина Юрьевна

Советник Конституционного Суда Российской Федерации (Санкт-Петербург),
доктор юридических наук, профессор, e-mail: fmulawkc@mail.ru

В статье проводится исследование принципов управления социальными рисками в их правовом преломлении. Оно основано на ранее сформулированных автором подходах к понятию и структуре социального риска в качестве объекта управленческого воздействия. Специфика управления социальными рисками может быть обоснована, в том числе, через его принципы – основополагающие требования, которыми должны руководствоваться субъекты управления для достижения цели защиты от социальных рисков. Принципы, положенные в основу организации процесса управления социальными рисками, образуют систему. В рамках такой системы выделены три основные группы принципов: 1) принципы, отражающие цель управления социальными рисками; 2) принципы, отражающие круг субъектов управления социальными рисками и особенности их правового положения; 3) принципы, характеризующие процесс управления социальными рисками и применяемые при этом методы. Обосновывается вывод о корреляции принципов управления социальными рисками с правовыми принципами, что демонстрируется на примерах соотношения отдельных принципов управления социальными рисками с общеправовыми принципами равенства и справедливости, а также отраслевыми принципами права социального обеспечения (таким как всеобщность социального обеспечения). Правовое преломление принципы управления социальными рисками получают также путем их непосредственного нормативного закрепления, как это имеет место в законодательстве об обязательном социальном страховании. Учет принципов управления социальными рисками может способствовать повышению эффективности правового регулирования социального обеспечения.

Ключевые слова: социальный риск, управление, принципы управления, принципы социального обеспечения, правовые принципы, принципы права социального обеспечения

THE FOUNDATIONS OF SOCIAL RISKS MANAGEMENT: THE CONCEPT, SYSTEM, AND LEGAL INTERPRETATION

Fedorova Marina

Counselor of the Constitutional Court of Russian Federation (Saint Petersburg),
doctor of legal sciences, e-mail: fmulawkc@mail.ru

The article analyses the foundations of social risks management in their legal interpretation. This analysis is based on the approaches to the concept and the structure of a social risk as an object of management, which were previously submitted by the author. The specifics of social risks management may be proved by its foundations – fundamental requirements that the subjects of management should conform with to fulfill the goal of social risks prevention and protection. The foundations of social risks management form a system. The author classifies these foundations into three major groups: 1) the foundations that correlate to the goal of social risks management; 2) the foundations that reflect a range of social risks management subjects and their legal status; 3) the foundations that illustrate the process of social risks management and the methods applied. The author concludes that the foundations of social risks management correlate to the major legal principles. This correlation is demonstrated on the examples of correspondence between the foundations of social risks manage-

ment and the fundamental principles of equality and justice, and the branch-wise foundations of social security law (in particular, the principle of social security generality). The foundations of social risks management may be directly consolidated by law, in particular by the legislation on mandatory social security. The consideration of these foundations is likely to increase the effectiveness of the social security legal regulation.

Key words: social risk, management, management foundations, foundations of social security, legal foundations, foundations of social security law

Жизнь современного общества связана с различными рисками, количество и степень проявления которых имеют тенденцию к росту. Особое место в этом ряду занимают социальные риски, которые обусловлены признаками человека как биологического вида (к примеру, старением, репродуктивностью и пр.), функционированием общества как социокультурной системы (социальной стратификацией, дифференциацией, интеграцией, выполнением социальных ролей и т. д.) и экономически предопределены общественной организацией труда (в частности, разделением и кооперацией труда, формами и методами привлечения людей к труду, распределением общественного продукта).

В науке права социального обеспечения социальные риски принято трактовать как юридические факты, с которыми закон связывает предоставление социальных выплат, благ или услуг. К их числу традиционно относятся достижение определенного возраста, болезнь, инвалидность, потеря кормильца, воспитание детей, безработица, которые в основных международно-правовых актах признаются сопряженными с утратой средств к существованию по не зависящим от человека причинам.

Неблагоприятные социальные последствия перечисленных жизненных ситуаций компенсируются в системе социального обеспечения. Однако этого недостаточно для эффективной защиты от социального риска, которая не может носить исключительно ретроспективный характер. Она должна также выполнять иные функции, в частности обеспечивать предупреждение социального риска, в силу чего может осуществляться на основе комплекса различных средств: экономических, психологических, организационных, педагогических, правовых и пр. В той или иной мере все эти средства используются в процессе управления социальными рисками. Этот процесс представляет собой воздействие на поведение людей и общественные отношения, опосредующие различные элементы структуры социальных рисков – факторы риска, социально-рисковое событие и его последствия, с целью защиты от социальных рисков путем предупреждения их возникновения либо компенсации их последствий на основе сочетания коллективных и личных усилий¹.

Сущность управления социальными рисками и возможные пути повышения его эффективности можно продемонстрировать на примере принципов управления социальными рисками. Они представляют собой основополагающие требования, которыми должны руководствоваться субъекты управления – человек, государство, семья, другие социальные институты – для достижения целей защиты от таких рисков.

На основе указанных принципов организуется процесс управления социальными рисками на различных его стадиях, таких как постановка цели защиты от социальных рисков и конкретизация охватываемых ею задач; подготовка управленческих решений; принятие и реализация общих, а затем персонифицированных управленческих решений и оценка их эффективности. В связи с этим принципы управления социальными рисками образуют систему, в которой можно выделить три основные группы: 1) принципы, отражающие цель управления социальными рисками; 2) принципы, отражающие круг субъектов управления социальными рисками и особенности их правового положения; 3) принципы, характеризующие процесс управления социальными рисками и применяемые при этом методы.

Поскольку целью управления социальными рисками является защита от таких рисков, первую группу указанных принципов составляют те, которые выражают основные требования к системе, объему такой защиты. К ним могут быть отнесены: 1) уве-

¹ Подробнее см.: Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Правовой механизм управления социальными рисками: моногр. Екатеринбург, 2018. С. 92–94.

личение масштаба защиты от социальных рисков; 2) оптимизация воздействия на различные структурные компоненты риска; 3) гарантированность защиты от социальных рисков с учетом ранжирования потребностей человека; 4) многоуровневость защиты от социальных рисков; 5) своевременность такой защиты; 6) определенность и реалистичность условий предоставления защиты от социальных рисков.

Принцип увеличения масштаба защиты от социальных рисков актуален в условиях усложнения общественных отношений, появления новых глобальных вызовов и угроз как для человечества в целом, так и для населения отдельных стран и регионов. Данный принцип согласуется с закрепленным в Конвенции МОТ № 117 1962 г. «Об основных целях и нормах социальной политики» принципом необходимости улучшения жизненного уровня населения посредством социального прогресса. Он характеризует динамику развития механизмов защиты от социальных рисков в каждой конкретной стране и в мире. Реализация данного принципа предполагает расширение охвата населения различными системами защиты от социальных рисков. В качестве примера можно назвать положения Конвенции МОТ № 102 1952 г. «О минимальных нормах социального обеспечения», которые прямо предписывают государствам-участникам предоставить защиту от соответствующих социальных рисков определенному проценту населения; в частности, медицинской помощью должны быть охвачены не менее 50 % работающих по найму либо не менее 20 % самодеятельного населения (ст. 5 и 9).

Расширение перечня категорий населения, охватываемых российской системой обязательного социального страхования, также служит иллюстрацией названного принципа. В частности, можно указать на самозанятых граждан, которые наряду с лицами, работающими по трудовому договору, подлежат обязательному пенсионному страхованию.

Проявлением принципа увеличения масштаба защиты от социальных рисков является также покрытие все большего количества рисков и повышение уровня компенсации их последствий. В этом плане показательно развитие системы социальной защиты населения в Российской Федерации, начиная с 1990-х гг. В этот период появились формы и меры социальной защиты, направленные на компенсацию социальных рисков, которые были признаны государством. В данном ряду можно назвать социальную защиту безработных, граждан, подвергшихся политическим репрессиям, а также беженцев и вынужденных переселенцев, прибывающих из-за рубежа соотечественников. Еще один пример – выплата пенсий гражданам, выезжающим на постоянное место жительства за пределы РФ.

Система социальной защиты видоизменялась под влиянием различных факторов, включая политический, экономический, демографический и др. Так, в начале 1990-х гг. были введены разные виды пособий и компенсационных выплат для семей, воспитывающих детей (на приобретение детского питания, товаров детского ассортимента и пр.); с 2007 г. действует государственная поддержка семей, в которых рождались второй ребенок и последующие дети, путем предоставления материнского (семейного) капитала. Повышались размеры государственных пособий гражданам, имеющим детей. До прожиточного минимума был доведен уровень пенсионного обеспечения за счет социальных доплат к пенсиям. Несмотря на предпринятые государством усилия, в этой части российская система социальной защиты и социального обеспечения все еще имеет значительные резервы для совершенствования.

Принцип оптимизации воздействия на различные компоненты риска предполагает главным образом развитие превентивных мер, приоритет профилактики социального риска перед компенсацией его последствий. Такой подход актуален прежде всего применительно к социальным рискам, которые связаны с утратой здоровья или невозможностью получения дохода от экономической деятельности. Так, среди вариантов предупреждения социальных рисков, связанных с невозможностью получения дохода от экономической деятельности, можно отметить опережающее обучение высвобождаемых работников, расширение спектра услуг государственной службы занятости и повышение их качества, развитие нетипичных форм занятости и т. п.

Принцип гарантированности защиты от социальных рисков с учетом ранжирования потребностей человека означает, что социальные риски, затрагивающие базовые,

жизненно важные потребности, не могут быть оставлены без компенсации. Поскольку речь идет о гарантированной защите, то субъектом управления социальными рисками в данном случае обязательно выступает государство. Социальные ожидания людей, связанные с защитой от таких рисков, облекаются в форму права на социальное обеспечение. Субъектом, предоставляющим социальное обеспечение, является государство в лице соответствующих органов или учреждений. Социальные риски, которые служат основаниями для социального обеспечения, формализованы в международно-правовых актах и Конституции Российской Федерации, что означает возложение на государство обязанности принять на себя компенсацию таких рисков путем предоставления гражданам социального обеспечения в тех или иных формах, причем в объемах, которые позволяли бы удовлетворять основные жизненные потребности людей на социально приемлемом уровне. Например, если речь идет о денежных выплатах, то они не могут быть ниже величины прожиточного минимума. Такая защита должна гарантироваться всем, оказавшимся в ситуации социального риска.

Если человек стремится обеспечить себе защиту от социальных рисков на более высоком уровне и имеет для этого материальные возможности, он может обращаться к услугам негосударственных субъектов, рассчитывать на поддержку близких и т. п. Здесь начинается реализация принципа многоуровневости защиты от социальных рисков, который в идеале может способствовать созданию эффективных механизмов компенсации неблагоприятных последствий социального риска.

Принцип своевременности защиты от социальных рисков тесно связан с другими принципами управления социальными рисками. Он предполагает заблаговременную выработку и оперативную реализацию управленческих решений в этой сфере: прогнозирование социальных рисков, их распределение между различными заинтересованными субъектами, компенсацию их последствий и т. п. Дело в том, что выполнение перечисленных управленческих действий и решений требует времени. К примеру, формализация социального риска осуществляется путем принятия закона или заключения договора, что в свою очередь предполагает соблюдение установленных требований и сроков. В наибольшей степени это характерно для законодательного процесса, результатом которого должно стать принятие закона о компенсации тех или иных социальных рисков в системе социального обеспечения.

Своевременность управления социальными рисками означает, кроме того, оперативное преодоление их последствий. Для этого необходимы четкая регламентация и реализация правоприменительных процедур, в результате которых принимаются управленческие решения о назначении тех или иных социальных выплат, предоставлении социальных благ или услуг.

Для эффективного управления социальными рисками важно также то, что условия предоставления защиты от них (наличие страхового стажа и пенсионного коэффициента, уплата установленных страховых взносов, осуществление соответствующей деятельности и т. п.) должны быть четко определены и зафиксированы в нормативном правовом акте или договоре, а также должны характеризоваться реалистичностью исполнения. В противном случае защита от социального риска становится иллюзорной, а цель управления в данной сфере не достигается.

К числу принципов, отражающих круг субъектов управления социальными рисками и особенности их правового положения, могут быть отнесены: 1) многосубъектность управления социальными рисками; 2) признание человека субъектом социального риска и субъектом управления социальными рисками; 3) особая роль государства в управлении социальными рисками; 4) стабильность правового положения субъектов управления социальными рисками.

В связи с тем что социальные риски пронизывают практически все сферы общественной жизни, защита от них носит широкий характер и может исходить от различных субъектов. Эти субъекты могут принимать на себя социальные риски путем признания своей обязанности по компенсации их последствий, обеспечивать экспертную оценку обстоятельств социального риска, осуществлять контроль и надзор в тех или иных сферах деятельности, разрешать споры, связанные с управлением социальными рисками, и т. п. Это могут быть специальные (институциональные) субъекты, такие как государство, негосударственные пенсионные фонды, страховые компании, медицин-

ские или благотворительные организации и т. п., либо субъекты, не наделенные специальным статусом, например организация-работодатель и т. д.

Принцип признания человека субъектом социального риска и субъектом управления социальными рисками вытекает из конституционных положений о человеке, его правах и свободах как высшей ценности, о возложении на государство обязанности по созданию условий для достойной жизни и свободного развития человека (ст. 2 и 7 Конституции РФ). Данный принцип можно рассматривать сквозь призму концепции правового персонифицизма¹. Люди могут быть не только субъектами социального риска, испытывая на себе его воздействие, но и субъектами управления таким риском, принимая решения о передаче риска другим субъектам либо о принятии на себя социального риска иных лиц (например, при заключении трудового договора с работником, усыновлении или принятии под опеку детей и т. д.).

Особая роль государства в управлении социальными рисками проявляется в многообразии форм и способов его воздействия на риск. В их число входят международно-правовые и национальные формы управления социальными рисками. При этом к первым из названных может быть отнесено участие в работе специализированных международных организаций (МОТ, ВОЗ, МАГАТЭ, ЮНЕСКО и др.), заключение международных договоров соответствующей направленности (в том числе ратификация конвенций международных организаций). В рамках национальной системы социального обеспечения и социальной защиты государство само принимает на себя социальные обязательства и создает условия для того, чтобы социальный риск распределялся между гражданами и негосударственными субъектами.

В управлении социальными рисками задействованы все ветви власти. Государство устанавливает правовое регулирование в области управления социальными рисками; создает систему органов и учреждений со специальной компетенцией в сфере управления социальными рисками (включая экспертные учреждения); применяет меры принуждения к субъектам, которые ненадлежащим образом исполняют свои функции в данном механизме, а также обеспечивает защиту нарушенных прав в отношении по управлению социальными рисками.

Принцип стабильности правового положения субъектов управления социальными рисками особенно актуален для граждан как получателей социальных выплат, благ и услуг. Управление социальными рисками должно осуществляться таким образом, чтобы принятые государством или иными субъектами обязательства по компенсации последствий социальных рисков исполнялись в течение всего периода, когда для этого сохраняются основания. В отношении компенсации основных видов социального риска должен действовать запрет снижения объема их компенсации в случае изменения законодательства в сторону ужесточения условий распределения социального риска, в том числе под влиянием экономических причин. Применительно к другим видам социального риска должно действовать правило о введении в подобных ситуациях компенсаторного механизма.

Стабильность правового положения субъектов, которые принимают на себя социальные риски, предполагает их готовность к исполнению соответствующих социальных обязательств в течение всего периода их существования. Следовательно, в этой части данный принцип проецируется на принцип стабильности социальных обязательств.

Группу принципов, характеризующих процесс управления социальными рисками и применяемые при этом методы, образуют: 1) непрерывность процесса управления социальными рисками; 2) комплексное воздействие на социальные риски за счет сочетания различных способов и приемов защиты от социальных рисков; 3) оптимальное распределение социальных рисков.

Непрерывность процесса управления социальными рисками обусловлена постоянным характером данных рисков. Социальные риски как перманентная характеристика общественных отношений требуют постоянного внимания. Меры по управлению ими не могут носить чрезвычайный характер, они должны осуществляться планомерно, последовательно, начиная с выявления того или иного социального риска

¹ Подробнее см.: *Васильев В. В.* Персонифицизм как стратегическая цель развития законодательства Российской Федерации // *Юридическая техника*. 2015. № 9. С. 170–172.

и завершая анализом результативности мер по его компенсации на определенном отрезке времени. Непрерывность управления социальными рисками означает постоянный мониторинг социальной ситуации на различных уровнях – федеральном, региональном, муниципальном, локальном, корпоративном, семейном, индивидуальном – с точки зрения эффективности и достаточности принимаемых мер, потребности в их корректировке. По замечанию К. В. Шундикова, «любая разумная социальная практика по своей сути есть бесконечный „круговорот“ целей, средств и результатов»¹.

Принцип комплексного воздействия на социальные риски предполагает многообразие используемых для этого методов. Сочетание различных средств, способов и приемов защиты от социальных рисков – правовых, экономических, политических, психологических, медицинских, педагогических, математических и пр. – позволяет обеспечивать воздействие на все элементы их структуры (факторы риска, рисковые события и их последствия), на поведение всех субъектов управления ими.

Принцип оптимального распределения социальных рисков направлен на обеспечение баланса частных и публичных интересов, достижение равенства и справедливости в социальном обеспечении и социальной защите. Наряду с принятием государством обязанности по компенсации основных социальных рисков в объеме и на условиях, определяемых в законе, другие виды рисков могут быть приняты иными субъектами (негосударственными), а в какой-то части компенсация социальных рисков останется за самим человеком как субъектом риска. С этой точки зрения данный принцип означает также сочетание пассивных и активных форм защиты от социальных рисков. В российской системе социального обеспечения имеются примеры подобного рода: оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта, содействие занятости граждан, оплата социальных услуг и т. п.

Внутри каждой из названных групп принципов управления социальными рисками можно проводить более детальное их деление, однако предложенный перечень отражает многообразие таких принципов, обусловленное объективной сложностью процесса управления социальными рисками.

Самостоятельный интерес представляет проблема корреляции принципов управления социальными рисками с правовыми принципами разных видов (универсальными, межотраслевыми, отраслевыми и т. д.). Заслуживают внимания предпринятые в разных юридических науках исследования принципов управления в тех или иных сферах, подчиненных правовому регулированию². Не остается в стороне от подобных изысканий и наука права социального обеспечения. Так, А. В. Медведев посвятил этой теме специальное исследование, показав реализацию в сфере социального обеспечения общеправовых и межотраслевых принципов³.

Представляется, что такой подход отражает преемственность развития отраслевой науки, в которой достигнуто единство точек зрения по вопросу об основных принципах права социального обеспечения и необходимости их отграничения от принципов социального обеспечения (системы социального обеспечения). Об этом писал В. С. Андреев, обосновавший отраслевую самостоятельность права социального обеспечения. К числу принципов отрасли он относил всеобщность; всесторонность и многообразие видов социального обеспечения; предоставление социального обеспечения за счет государственных и общественных средств, а также в размерах, соответствующих сложившемуся уровню удовлетворения потребностей граждан на данном этапе развития государства; осуществление социального обеспечения самими трудящимися через органы государственного управления и общественные организации⁴.

¹ Шунди́ков К. В. Инструментальная теория права – перспективное направление научного исследования // Правоведение. 2002. № 2. С. 22.

² См., например: Волкова Т. В. Принципы управления земельными ресурсами // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 11. С. 93–98; Рябова Е. В. Характеристика правовых принципов управления бюджетными средствами и анализ их реализации // Финансовое право. 2014. № 7. С. 15–19; Соловьева С. В. Сравнительный анализ принципов управления некоммерческими организациями, имеющими и не имеющими членство // Журнал российского права. 2013. № 4. С. 92–99; Харитонов Ю. С. Добросовестность как принцип управления в частном праве // Гражданское право. 2010. № 3. С. 7–10 и др.

³ Медведев А. В. Принципы в праве социального обеспечения. М., 2017. С. 169 и далее.

⁴ Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР: учеб. М., 1987. С. 60–72.

Несмотря на то что эти принципы были сформулированы применительно к условиям социалистического государства с централизованной плановой экономикой, некоторые из них до настоящего времени с теми или иными вариациями воспроизводятся в учебной и научной литературе¹, получая необходимую актуализацию². В частности, в числе принципов права социального обеспечения называют связь обеспечения, как правило, с трудом или с иной общественно полезной деятельностью; обеспечение не только граждан, но и членов их семей; свободу приобретения гражданами своих прав и распоряжения ими; приоритет в обеспечении некоторых категорий граждан; зависимость уровня обеспечения от прожиточного минимума³.

Сопоставление принципов права социального обеспечения и принципов управления социальными рисками показывает, что некоторые из них имеют схожий характер, точки пересечения. Так, принцип всеобщности социального обеспечения корреспондирует принципу увеличения масштаба защиты от социальных рисков, который выше характеризовался на примере увеличения охвата населения системой обязательного социального страхования, расширения перечня компенсируемых рисков и применяемых в этих целях видов социального обеспечения, размеров социальных выплат и т. п.

Названные принципы содержательно согласуются с общеправовым принципом равенства, который можно интерпретировать через единый набор базовых социальных рисков, связанных, к примеру, с возрастом, состоянием здоровья или трудоспособностью. Одновременно с этим общеправовой принцип справедливости, проявляя себя в системе социального обеспечения через принцип приоритета в обеспечении некоторых категорий граждан, а в системе управления социальными рисками – через принципы гарантированности защиты от социальных рисков с учетом ранжирования потребностей человека, оптимизации воздействия на различные компоненты риска, создает основу для дифференциации правового регулирования в этой сфере и обозначает ее возможные критерии.

Принципы управления социальными рисками получают правовое преломление в нормативно установленных принципах отдельных организационно-правовых форм социального обеспечения. Наиболее ярким примером здесь могут служить принципы обязательного социального страхования, зафиксированные в ст. 4 Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования». Их можно разделить на три группы в зависимости от того, в какой сфере социального страхования они реализуются: общие принципы, характерные для всей системы, принципы финансирования системы и принципы управления ею. К первой группе следует отнести такие принципы, как всеобщий обязательный характер социального страхования и доступность для застрахованных лиц реализации своих социальных гарантий; государственная гарантированность соблюдения прав застрахованных на защиту от социальных страховых рисков и исполнения обязательств по страхованию независимо от финансового положения страховщика; государственное регулирование системы обязательного социального страхования. Во вторую группу входят следующие принципы: устойчивость финансовой системы обязательного социального страхования, обеспечиваемая на основе эквивалентности страхового обеспечения средствам обязательного социального страхования; обязательность уплаты страхователями страховых взносов; ответственность за целевое использование средств; автономность финансовой системы обязательного социального страхования. Третью группу составляют принципы паритетности участия представителей субъектов социального страхования в органах управления системой; обеспечения надзора и общественного контроля.

Перечисленные принципы обязательного социального страхования соотносятся с такими принципами управления социальными рисками, как многосубъектность (за счет участия в данной системе страхователей, страховщиков и застрахованных лиц), особая роль государства (выступающего основным субъектом, обеспечивающим нор-

¹ См., например: Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России. М., 2004. С. 116–125.

² Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения. Перспективы развития. М., 2000. С. 65–66, 69.

³ Григорьев И. В., Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения: учеб. и практикум. М., 2015. С. 48–50.

мативное регулирование и достижение баланса частных и публичных интересов в этой сфере) и оптимальное распределение социальных рисков.

По нашему мнению, наиболее полный учет принципов управления социальными рисками, сформулированных на основе достижений разных областей научного знания (экономики, социологии, политологии, философии, психологии и т. п.), в процессе правового регулирования социального обеспечения может способствовать повышению его эффективности и соответственно усилению защиты граждан от социальных рисков.

Цель защиты от социальных рисков может быть воспринята в качестве основы для применения в системе социального обеспечения риск-ориентированного подхода. И если в основу правовых принципов должна быть положена «социальная идея, потребность, которой законодатель как уполномоченное лицо желает придать правовую защиту»¹, то для сферы социального обеспечения такой идеей может стать управление социальными рисками.

Список литературы

Андреев В. С. Право социального обеспечения в СССР: учеб. М., 1987.

Васильев В. В. Персоноцентризм как стратегическая цель развития законодательства Российской Федерации // Юридическая техника. 2015. № 9.

Волкова Т. В. Принципы управления земельными ресурсами // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 11.

Григорьев И. В., Шайхатдинов В. Ш. Право социального обеспечения: учеб. и практикум. М., 2015.

Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России. М., 2004.

Истомина Е. А., Федорова М. Ю. Правовой механизм управления социальными рисками: моногр. Екатеринбург, 2018.

Мачульская Е. Е. Право социального обеспечения. Перспективы развития. М., 2000.

Медведев А. В. Принципы в праве социального обеспечения. М., 2017.

Рябова Е. В. Характеристика правовых принципов управления бюджетными средствами и анализ их реализации // Финансовое право. 2014. № 7.

Скурко Е. В. Принципы права: моногр. М., 2008.

Соловьева С. В. Сравнительный анализ принципов управления некоммерческими организациями, имеющими и не имеющими членство // Журнал российского права. 2013. № 4.

Харитонов Ю. С. Добросовестность как принцип управления в частном праве // Гражданское право. 2010. № 3.

Шундинов К. В. Инструментальная теория права – перспективное направление научного исследования // Правоведение. 2002. № 2.

References

Andreev V. S. Pravo sotsial'nogo obespecheniya v SSSR: ucheb. M., 1987.

Grigor'ev I. V., Shaikhatdinov V. Sh. Pravo sotsial'nogo obespecheniya: ucheb. i praktikum. M., 2015.

Istomina E. A., Fedorova M. Yu. Pravovoi mekhanizm upravleniya sotsial'nymi riskami: monogr. Ekaterinburg, 2018.

Kharitonova Yu. S. Dobrosovestnost' kak printsip upravleniya v chastnom prave // Grazhdanskoe pravo. 2010. № 3.

Machul'skaya E. E. Pravo sotsial'nogo obespecheniya. Perspektivy razvitiya. M., 2000.

Medvedev A. V. Printsipy v prave sotsial'nogo obespecheniya. M., 2017.

Ryabova E. V. Kharakteristika pravovykh printsipov upravleniya byudzhetnymi sredstvami i analiz ikh realizatsii // Finansovoe pravo. 2014. № 7.

Shundikov K. V. Instrumental'naya teoriya prava – perspektivnoe napravlenie nauchnogo issledovaniya // Pravovedenie. 2002. № 2.

Skurko E. V. Printsipy prava: monogr. M., 2008.

Solov'eva S. V. Sravnitel'nyi analiz printsipov upravleniya nekommercheskimi organizatsiyami, imeyushchimi i ne imeyushchimi chlenstvo // Zhurnal rossiiskogo prava. 2013. № 4.

Vasil'ev V. V. Personotsentrizm kak strategicheskaya tsel' razvitiya zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii // Yuridicheskaya tekhnika. 2015. № 9.

Volkova T. V. Printsipy upravleniya zemel'nymi resursami // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii. 2017. № 11.

Zakharov M. L., Tuchkova E. G. Pravo sotsial'nogo obespecheniya Rossii. M., 2004.

¹ Скурко Е. В. Принципы права: моногр. М., 2008. С. 178–179.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ МОНОГРАФИЙ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (ЭРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Соколова Лариса Анатольевна

Старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
руководитель программы «Переводчик иностранного языка
в сфере профессиональной коммуникации», e-mail: larisaperevod@mail.ru

Статья посвящена анализу переводов юридических монографий с английского языка на русский с точки зрения допущенных ошибок (эrrатологический аспект). Автор также описывает этапы работы над переводом монографии.

Ключевые слова: перевод монографий, эrrатология, ошибки порождения, ошибки восприятия

SPECIFICS OF TRANSLATING LEGAL MONOGRAPHS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN (AN ERRATOLOGICAL ASPECT)

Sokolova Larisa

Senior lecturer, Ural State Law University (Yekaterinburg),
e-mail: larisaperevod@mail.ru

The article analyses translations of lawyers' monographs from English into Russian from the viewpoint of mistakes made (an erratological aspect). It also describes different stages in working with the translation of a monograph.

Key words: translation of monographs, erratology, receptive and expressive errors

Перевод монографии является «конечной точкой отчета» для студентов-юристов, получающих дополнительное образование по программе «Переводчик иностранного языка в сфере профессиональной коммуникации» в Институте дополнительного образования УрГЮУ. На протяжении двух лет студенты-юристы изучают блок лингвистических дисциплин, в том числе «Введение в языкознание», «Стилистика русского языка и культура речи», «Основы теории изучаемого языка (лексикология и стилистика)», «Теория перевода» и др. Допуском к сдаче выпускного экзамена по переводу является перевод юридической монографии с английского на русский язык объемом 80 тыс. печатных знаков. При этом студенты выбирают монографию по той тематике, которая им наиболее интересна или которая является непосредственной темой их научного исследования.

В течение двух лет студенты-юристы переводят юридические тексты разной направленности, предназначенные для разной целевой аудитории. Среди таких текстов можно выделить несколько подкатегорий:

нормативные документы (конвенции ООН, договоры между юридическими лицами, двуязычные варианты которых имеют равную юридическую силу, и др.). Перевод таких текстов отличается высокой степенью параллельности с текстом оригинала и терминологичностью;

юридические документы, перевод которых может потребоваться в ходе судебного разбирательства (исковые заявления, экспертные заключения, ходатайства и пр.). При этом текст перевода имеет приоритет перед оригиналом, так как он используется лицами, не знающими язык оригинала;

так называемые околоюридические тексты (газетно-публицистические тексты, находящиеся на стыке юриспруденции и экономики, образования и права, медико-биологических исследований и правового регулирования, и т. д.). Основная функция этой группы текстов – информативно-ознакомительная; при этом качество перевода во многом будет зависеть не только от умения грамотно «переложить» текст с исходящего языка на переводящий, но и от умения передать культурологические особенности переводимого текста с учетом фоновых (экстралингвистических) знаний.

Помимо перечисленных категорий текстов студенты работают с художественными, техническими и другими текстами.

Научные монографии, на наш взгляд, стоит выделить в самостоятельную категорию текстов, поскольку монография представляет собой монолитный научный труд автора по достаточно узкой, специализированной теме и ее перевод имеет много тонкостей. Для перевода монографии необходим высокий уровень овладения лингвистической и культурологической компетенциями. Поскольку перевод юридических текстов требует глубоких специальных знаний, то неудивительно, что в последнее время имеет место тенденция к переводу юридических текстов именно юристами, а не профессиональными переводчиками.

Базой исследования для написания данной работы послужили оригинальные юридические монографии, выпущенные не ранее 2005 г., находящиеся в свободном доступе на сайте <http://ssrn.com>, перевод которых выполнен студентами-юристами Института дополнительного образования УрГЮУ.

Перевод монографии студентами предполагает несколько этапов: 1) отбор книги исходя из тематики научного исследования; 2) предпереводческий анализ текста, т. е. предварительное ознакомление с концепцией автора(ов) текста и логикой его изложения; 3) «начитка» литературы по соответствующей тематике с целью подбора более точного варианта перевода используемой автором терминологии; 4) «черновой» вариант перевода монографии с обязательным составлением глоссария; 5) индивидуальные встречи с преподавателем с целью выявления, обсуждения и анализа лексико-грамматических, стилистических, культурологических особенностей переводимой монографии; анализ стратегии перевода; анализ используемых переводческих трансформаций; 6) индивидуальные встречи с преподавателем: зачитывание перевода студентом вслух и последующий «разбор полетов»; анализ допущенных ошибок и обсуждение возможных вариантов перевода; 7) последняя вычитка текста перевода студентом с внесением итоговых исправлений и последующей корректурой; 8) сдача итогового варианта перевода в письменном виде.

На наш взгляд, именно такая кропотливая индивидуальная работа с каждым студентом позволяет достичь наилучшего качества перевода; оценить усилия, вкладываемые учащимся в перевод монографии; проработать переводческие трудности и оценить творческий потенциал студентов при переводе безэквивалентной лексики, неологизмов, аллюзий и пр.; указать на типичные ошибки, допускаемые каждым конкретным студентом, что имеет принципиальное значение для его последующей профессиональной карьеры; научить студента культуре оформления текста.

Именно систематический анализ ошибок на протяжении всего периода обучения позволяет оценить прогресс студента в работе над переводом. Как отмечает Е. В. Бреус, «начинающий переводчик должен, прежде всего, научиться видеть переводческие проблемы, а это дается нелегко...»¹. Более того, как указывает В. Н. Комиссаров, «при обучении переводу, особенно переводу с иностранного языка, немало учебного времени расходуется на обсуждение вариантов понимания и перевода на родном языке. При этом часто обнаруживается, что, владея этим языком с детства, обучаемые плохо различают многие смысловые и стилистические тонкости, не умеют литературно грамотно и элегантно писать разными стилями, неправильно оценивают уместность употребления языковых средств в определенных ситуациях общения»².

В соответствии с классификацией, предложенной А. Б. Шевниным, переводческие ошибки (несоответствия) можно разделить на две большие группы: ошибки импресивного типа (ошибки восприятия) и ошибки экспрессивного типа (ошибки порожде-

¹ Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М., 1998. С. 4.

² Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М., 1997. С. 39.

ния), хотя зачастую одни неизбежно приводят к возникновению других¹. Как показывает анализ переводов юридических монографий, наибольшие трудности у студентов вызывает работа с контекстом, умение подобрать правильное значение переводимой единицы. Выделим основные группы ошибок восприятия и ошибок порождения, допускаемых учащимися.

Ошибки восприятия первой группы связаны с переводом реалий, не существующих в судебно-правовой системе России и потому требующих от переводчика сделать добавление-объяснение или описательный перевод либо сопроводить перевод культурологическим комментарием. Например:

1. **Equitable and common law theories** – справедливые и общеправовые теории. (Правильный вариант: **теории общего права и права справедливости**. Комментарий: общее право и право справедливости относятся к основным источникам права в Англии, которые определенное время развивались параллельно, и поэтому у граждан была возможность обращаться в два суда: если суд, рассматривающий дела с позиций общего права, не удовлетворял требования гражданина, он мог обратиться в суд права справедливости с тем же требованием.)

2. The **preemption** concerns must be taken seriously, given the obvious tension between state and federal marijuana policy and the consequences wrought by **preemption**. If **preempted**, state medical marijuana laws would be null and void. They would remain on the books, but they would be unenforceable... – Обеспокоенность преимущественным правом необходимо воспринимать серьезно, учитывая очевидные разногласия между федеральной политикой и политикой штатов в области регулирования вопросов, связанных с марихуаной и последствий, связанных с применением преимущественного права... (Правильный вариант: Необходимо серьезно относиться к опасениям, связанным с применением **доктрины преимущества федерального законодательства над судебными решениями штатов**, учитывая очевидные разногласия между федеральной политикой и политикой штатов в области регулирования вопросов, связанных с марихуаной и последствий, связанных с применением **данной доктрины**. Если будет признано **преимущество за федеральным законом**, законы штатов о медицинской марихуане будут признаны недействительными. Они останутся на бумаге, но они не будут иметь законную силу...)

3. The **anti-commandeering rule** imposes an important and largely overlooked constraint on Congress's **preemption power**... – Правило, направленное против захвата, предписывает важное ограничение полномочий Конгресса по применению преимущественной силы, которое в значительной степени не принято во внимание... (Правильный вариант: **Правило недопустимости вмешательства федерального правительства в деятельность штатов** ограничивает полномочия Конгресса по применению **доктрины преимущества федерального законодательства**; данное важное правило очень часто упускается из виду...)

Ошибки восприятия второй группы связаны с переводом юридических терминов, значение которых можно не найти в переводных словарях, но можно уточнить по толковым словарям, даже если речь идет об очень узкой сфере деятельности. Трудности вызывает также перевод «авторских» терминов или понятий, для понимания которых зачастую требуется прочитать всю монографию или даже серию работ автора, чтобы точнее передать его мысль. При работе с такими терминами студенты предпочитают использовать либо «прием опущения» (в первых двух примерах), либо транскрипционную кальку (в последних двух примерах). Например:

1. Many European countries have incorporated the ECHR into their domestic law, in many cases giving it higher-law status, so that it could not be abrogated by later-enacted statutes. In these countries – including Belgium, France, the Netherlands, Switzerland, and the UK – the Convention serves as a «shadow constitution». ...a **«shadow constitution»** – конституция. (В данном случае стоит использовать, например, описательный перевод при первом упоминании данного словосочетания, а в последующем употреблять термин «„теневая“ конституция».)

2. In common law jurisdictions, judge made law is not codified. ...**judge made law** – право (В данном случае речь идет не о праве в целом, а о прецедентном праве.)

3. A **victimized woman** – виктимизированная женщина. (Правильный вариант: женщина, которая стала жертвой преступления.)

4. ...**to domesticate certain crimes** – ...доместизировать определенные преступления. (Правильный вариант: ...признать определенные виды деяний преступлениями на уровне национального законодательства.)

¹ Шевнин А. Б. Эрратология: моногр. Екатеринбург, 2003. С. 6.

Ошибки восприятия третьей группы связаны с передачей модальности, которую студенты зачастую либо опускают, либо недооценивают ее значимость. Например:

Congress's ban **may have lost** its moral influence because so many people flout it, and federal authorities have done little thus far to punish them. In other words, the lack of enforcement of the federal ban **may have undermined** not only the deterrent effect of the ban's sanctions, but also the deterrent effect of the generalized moral obligation to obey the law. – Запрет Конгресса мог потерять свое влияние на моральную составляющую, потому что так много людей пренебрегают этим запретом, а федеральные власти до сих пор мало что сделали, чтобы наказать этих лиц. Другими словами, фактическое неприменение федерального запрета могло подорвать не только сдерживающий эффект санкций, введенных этим запретом, но и сдерживающий эффект общего морального обязательства соблюдать закон. (Правильный вариант: **Возможно**, запрет Конгресса **потерял** свое морально-нравственное влияние, потому что так много людей пренебрегают этим запретом, а федеральные власти до сих пор мало что сделали, чтобы наказать этих лиц. Другими словами, **вероятно**, именно отсутствие механизма принудительного обеспечения федерального запрета «свело на нет» не только сдерживающий эффект санкций, введенных этим запретом, но и сдерживающий эффект общего морального обязательства соблюдать закон.)

Ошибки восприятия четвертой группы связаны с неумением работать с контекстом и выбирать правильное значение многозначного слова. Студенты, как правило, следуют путем наименьшего сопротивления, используя либо кальку, что приводит к абсолютно непонятным конструкциям в русском языке, либо наиболее распространенное значение единицы (в частности, в случае ложных ассоциатов). Например:

1. Civil law **jurisdictions**, unlike common law **jurisdictions**... – Юрисдикции гражданского права в отличие от юрисдикций общего права... (Правильный вариант: В **странах** с романо-германской правовой системой, в отличие от **стран** с англосаксонской правовой системой...)
2. From an **academic** perspective, one might also consider... – С академической точки зрения можно также рассматривать... (Правильный вариант: С **научной** точки зрения...)
3. One prominent **commentator** expresses surprise that... – Один выдающийся комментатор выражает удивление... (Правильный вариант: **эксперт, автор, специалист**.)

Ошибки порождения первой группы связаны с нарушением регистра (в частности, использование просторечных или даже жаргонных выражений). Например:

1. Undoubtedly, it does not suffice simply to discern and extrapolate mechanically all those criminal elements that **are abundant** in general international law... – Несомненно, не так просто распознать и экстраполировать механически все эти уголовные элементы, которыми так и кишит международное право... (Правильный вариант: Несомненно, недостаточно просто распознать и экстраполировать все эти уголовные элементы, которые **распространены** в международном праве...)
2. **Whatever one** thinks of the wisdom of granting such broad immunity, it seems implausible to suppose that Congress had anything like this in mind when it enacted section 885(d)... – Что бы кто ни думал о предоставлении такого широкого иммунитета... (Правильный вариант: **Независимо** от того, как оценивают люди целесообразность предоставления такого широкого иммунитета, кажется невозможным предположить, что Конгресс имел в виду что-то подобное, когда он принимал пункт 885 (d)...)

Ошибки порождения второй группы связаны с использованием среднего залога, характерного для английского языка, но не так часто встречающегося в русском языке, т. е. одушевление неодушевленных предметов. Например:

1. The U.S. Constitution **requires** that states establish a republican form of government. – Американская конституция требует, чтобы штаты устанавливали республиканскую форму правления. (Правильный вариант: **В соответствии с** Конституцией США в каждом штате должна быть...)
2. The Winter Report **noted** that such provisions were adequate... – Зимний доклад отмечал, что такие меры были адекватными... (Правильный вариант: **Как отмечалось** в Зимнем докладе, такие меры были адекватными...)

Ошибки порождения третьей группы связаны с сохранением в тексте перевода слов в их иноязычной графике. Вкрапление таких слов, в частности в нормативно-правовые документы или официальные тексты (за редким исключением), на наш взгляд, является недопустимым, так как препятствует пониманию текста. Например:

1. В деле *Canon vs Cannon* суд принял во внимание... Правильный вариант: В деле «Кэнон против Кэннон» суд принял во внимание...
2. ...он отправил свои предложения на e-mail... Правильный вариант: ...он отправил свои предложения на электронный адрес...
3. Статья была взята из *Financial Times*... Правильный вариант: Статья была взята из «Файнэншл Таймс»...

Ошибки порождения четвертой группы связаны с сохранением иноязычной структуры высказывания, в частности при переводе однородных членов английского предложения. Например:

1. ...the states **could and did ignore** the federal laws with impunity... – Штаты могли и игнорировали федеральные законы безнаказанно... (Правильный вариант: Штаты могли игнорировать федеральные законы безнаказанно, что они и делали...)
2. ...are institutions **created and bound** by law – ...являются институтами, создаваемыми и связанными законом. (Правильный вариант: ...являются институтами, которые создаются в соответствии с законом и деятельность которых ограничивается законом.)

Ошибки порождения пятой группы связаны с неумением выделить рему высказывания. Например:

1. During the last half century, a gradual unification of European countries has taken place. – На протяжении второй половины прошлого века постепенная унификация европейских стран имела место быть. (Правильный вариант: Во второй половине прошлого века произошла постепенная унификация законодательства европейских стран.)
2. In particular, the opportunity to expand in the Irish markets was emphasised. – В частности, возможность расширения ирландского рынка была очевидной. (Правильный вариант: В частности, подчеркивалась возможность выхода на рынки Ирландии.)

С целью предупреждения возможных ошибок при переводе монографий система обучения студентов, получающих дополнительное образование по программе «Переводчик иностранного языка в сфере профессиональной коммуникации», построена таким образом, что каждый сложный случай прорабатывается отдельно на уровне как микроконтекста (словосочетание, предложение), так и макроконтекста (статья, вся монография); при этом особое внимание уделяется не только качеству выполненного перевода, но и его оформлению с соблюдением особенностей оформления текста оригинала.

Список литературы

- Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М., 1998.
Комиссаров В. Н. Теоретические основы методики обучения переводу. М., 1997.
Шевнин А. Б. Эрратология: моногр. Екатеринбург, 2003.

References

- Breus E. V. Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliiskii. M., 1998.
Komissarov V. N. Teoreticheskie osnovy metodiki obucheniya perevodu. M., 1997.
Shevnin A. B. Erratologiya: monogr. Ekaterinburg, 2003.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *Н. Н. Рассохина*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная вёрстка *Н. Н. Рассохиной*

Подписано к использованию 20.01.20.
Уч.-изд. л. 7,92. Объем 1,64 МВ.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит